

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

ПОЕЗД НА СОЛНЕЧНЫЙ БЕРЕГ

приготовьтесь удивляться
от первого до последней страницы!

Валерия Вербинина

Поезд на Солнечный берег

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4436420
Поезд на Солнечный берег: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-43183-8

Аннотация

Добро пожаловать в мир, где переплетаются реальность и мифология, где на улице можно запросто встретить сфинкса, вампир работает дворецким, а в лотерею легко выиграть счастье или тысячу неприятностей. Главный герой, юноша по имени Филипп, пытается решить для себя, что для него важно, а что не очень. Настоящая любовь к девушке-цветку или любовь по расчету к наследнице богатого магната? Умение летать, в котором он никому не признается, или стремление просто жить, как все? А между тем на город, в котором живет Филипп, надвигается катастрофа, и спасти от нее может только поезд на Солнечный берег...

Содержание

Сон первый	4
Сон второй	9
Сон третий	13
Сон четвертый	15
Сон пятый	20
Сон шестой	22
Сон седьмой	24
Сон восьмой	31
Сон девятый	38
Сон десятый	42
Сон одиннадцатый	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Валерия Вербинина

Поезд на Солнечный берег

Сон первый

Филипп лежал на диване и пускал мыльные пузыри. Сумерки вливались в комнату сквозь витражные стекла и застывали на полу густыми цветными лужами. Над ними сновали прихотливые мечты, изменчивые надежды, назойливые страхи; нередко два пузыря бесшумно сталкивались, теряли очертания, сливались в переливчатый радужный ком и вновь расходились двумя новыми фантазиями. Филипп затаил дыхание: он хотел выдуть счастье, но у него ничего не выходило. Волшебные пузыри, как и положено, принимали форму его мыслей – до тех пор, пока он не загадывал счастье; и тогда выходило нечто странное, невероятное, чудесное – корабль, сотканный из лунного света, белый слон с крыльями, сиреневый марсианский рассвет, и все-таки это было не совсем счастье. Филипп тихо подул: показались деревья, холмы, озеро; от их красоты у молодого человека захватило дух. Теперь, казалось, он был близок к счастью как никогда; но видение съезжилось и обернулось обыкновенной раковиной, правда вывернутой наизнанку. Филипп вздохнул; ему было грустно. Юркий мыльный призрак, похожий на чайник с глазами, вертелся у волшебного зеркала, недоумевая, отчего в нем нет изображения. Крылатый слон, пролетая над Филиппом, махнул хвостом и задел его по лицу. Филипп отогнал пришельца, осторожно дунув на него, и крепко зажмурился, пытаясь сосредоточиться.

«Я хочу быть счастливым, да, очень хочу. Неужели это так трудно? Просто я и она, мы вместе, и пусть все будет хорошо, пусть все в мире будет хорошо, как сегодня, когда я гулял по облакам и смотрел... Матильда не любит облаков, но это неважно, потому что я, как обещал, построю прекрасный замок, где мы будем жить до скончания дней. Но землетрясения могут все испортить, вот в чем дело. – Мысли явно текли куда-то не туда, и шар, который выдувал Филипп, превратился в грудку развалин. – Или неботрясения? Интересно, что Матильда оденет на день нерождения; по мне, так хотя бы ничего. Но все равно – почему-то ужасно не хочется идти туда».

Шар слукавил, выдав изящную женскую головку в обрамлении золотистых волос. Одно за другим на личике проступили тонкие изогнутые брови, синие глаза, маленький носик и милые, надутые губки. Сердце Филиппа стукнуло. «Матильда», – подумал он и тотчас же сообразил, что это скребутся в дверь. Шар, отпущенный на свободу, незамедлительно подлетел к зеркалу и начал прихорашиваться, потом остановился в недоумении.

– Не шали, – сказал Филипп. – Войдите!

Лаэрт просочился сквозь дверь (так удобнее: не надо тратить время на ее открывание и закрывание, с точки зрения Лаэрта – действия совершенно бессмысленные, ибо одно заведомо исключает другое). В пространстве о трех измерениях Лаэрт невозбранно пользовался своей свободой, которую ему предоставляло его отчасти потустороннее происхождение. Дело в том, что Лаэрт был вампир, хоть и ручной. Время от времени он, правда, отбивался от рук, и его приходилось со скандалом прибивать обратно. На вид он больше всего напоминал зеленую кляксу с множеством самых разнообразных конечностей.

– Вы меня звали? – осведомился Лаэрт, висая в метре над полом и зеленой лапой отбиваясь от надоедливых пузырей, которым он был в диковинку.

– Нет, – отозвался Филипп.

– А должны были бы, – заметил Лаэрт. – Сегодня, между прочим, вторник.

– Вторники бывают каждую неделю, – возразил Филипп. – Мне все равно, потому что я никак не могу загадать счастье: мысли разбегаются.

– Надо купить мыслеловку, – посоветовал Лаэрт. – Сажаете туда ваши мысли, сдаете на завод по изготовлению иллюзий и все забываете.

– Не хочу. Как ты думаешь, может, мне стоит попробовать плюшевые пузыри? Мыльные мне уже поднадоели.

– Плюшевые быстро бьются, – заявил ученый вампир.

– А золотые?

– Постоянно рвутся и пачкаются, оседают на мебели и вообще портят обстановку, – отрезал Лаэрт, – еще хуже атомных.

– Да, от атомных слишком много шума, – подтвердил Филипп. – Кстати, я знаю, почему сегодня вторник.

– И прекрасно! – вскричал Лаэрт, уже не чаявший перевести разговор на нужную тему.

– Но отчего-то мне хочется, чтобы была среда, – продолжал Филипп, и его серые глаза озорно блеснули. – Ты не знаешь, отчего?

– Не знаю, но, если я хоть что-нибудь смыслю в этикете, правилами хорошего тона предусматривается опоздание максимум в полтора часа, в то время как опоздание на 1 час 31 минуту уже рассматривается как преступление.

Поскольку Лаэрту было ни много ни мало 900 лет (с небольшим), а Филиппу, понятное дело, гораздо меньше, Лаэрт, как старший, считал своей обязанностью учить его уму-разуму. Хотя Филипп (как и большинство представителей его рода) прекрасно бы без них обошелся (вместе и по отдельности).

– Кодекс Дромадура, – проворчал Филипп.

Спору нет, Лаэрт был прав; но молодой человек не выносил поучений, и к тому же ему хотелось слегка поддразнить вампира. В целом отношения между ними были самые дружеские. Хотя Лаэрт поселился в доме сравнительно недавно, он без труда совмещал обязанности домоправителя, сторожа, голоса совести и живого автоответчика. Во всех этих областях он был совершенно незаменим, что, однако, вовсе не служило в глазах Филиппа извинением слабости Лаэрта, единственной, которая водилась за сторожем совести автоответчика. Дело в том, что порой естественные вампирские наклонности брали в Лаэрте верх, и тогда между ним и хозяином случались серьезные разногласия.

В свое оправдание Лаэрт утверждал, что кровопускания – древний медицинский обычай, и, следовательно, вампиру в какой-то мере позволительно считать себя терапевтом. Филипп категорически запрещал ему заниматься подобным целительством, и после долгих уговоров вампир неизменно сдавался, каялся и клялся, что с прошлым покончено. Но стоило Филиппу столкнуться с кем-нибудь особенно несимпатичным, как Лаэрт снова был тут как тут, с жаждой крови и разрушительных действий, удержать его от которых стоило большого труда. Вися в воздухе, вампир поймал мыльный пузырь и перебрасывал его из лапы в лапу. Филипп сделал вид, что не замечает его присутствия. Лаэрт невозмутимо напомнил хозяину о том, что он вполне укладывается в сроки.

– Я не хочу туда идти! – простонал Филипп, попутно выдувая шар, похожий на смесь виселицы с хлебобрезкой.

– Но там же будет Матильда, – наседал Лаэрт.

– И Вуглускр! – упирался Филипп.

– Какая вам разница? Вы ведь женитесь на его дочери, а не на нем самом, – заметил вампир.

– Лаэрт! – возмутился Филипп.

– Я тут, – сказал Лаэрт после того, как бросил шар в рот и проглотил его, отчего на его тощей длинной шее на несколько мгновений образовался впечатляющих размеров движущийся зоб.

– За кого ты меня принимаешь?

– А она любит вас, – ввернул медовым голосом вкрадчивый вампир. – И ждет. Неужели вы обманете ее ожидания?

Побежденный Филипп поднялся с дивана.

– Ты предатель, – сказал он Лаэрту. – Изумрудный! – велел он окнам, и комната немедленно оживилась зеленым светом. Заиграла музыка нежно-салатового оттенка, в тон освещению. Диван отъехал в сторону, прилепился к стене и обернулся камином, в котором неярко вспыхнули дрова.

Лаэрт ускользнул сквозь стену, пролетел через кладовую, где были свалены беспорядочными кучами отслужившие свое мыльные пузыри, пересек танцевальный зал, который в порядочные дни, то бишь в дни наведения порядка, складывали и убирали в шкатулку, и сгинул в недрах хозяйской гардеробной.

В гостиной Филипп подошел к зеркалу. Темная его глубь прояснилась – так в зимний день редет дымка на стекле, если подышать на нее, и в зеркале показалось лицо. Нельзя было с определенностью сказать, принадлежит ли оно мужчине или женщине, красиво оно или уродливо, но тем необыкновеннее казалось выражение доброжелательности на нем. Веки медленно поднялись, и внимательные глаза всмотрелись в Филиппа. Он передернул плечом – не то досадливо, не то нерешительно.

– Здравствуй, – вежливо сказала зеркало. Мыльные пузыри, оказавшиеся при этом, запищали от восторга.

– Здравствуй, – ответил Филипп.

– Ты хочешь спросить меня о чем-то? – осведомилось зеркало. – Я к твоим услугам.

Филипп колебался. Он не был уверен, что вопрос не прозвучит нелепо; но с зеркалом можно было быть откровенным.

– Как, по-твоему, счастье возможно? – спросил он.

Немигающие глаза, казалось, были неотрывно прикованы к его лицу. Филипп покачнулся на носках; в душе он сердился на себя за слова, нечаянно сорвавшиеся с языка.

– Может быть, – промолвило зеркало.

– Может быть?! – крикнул Филипп, топнув ногой. – Таков твой ответ? Тогда к чему все это? Ты же все знаешь; скажи мне.

– Не могу, – печально сказала зеркало. – У тебя несчастливый характер. Ты хочешь всего – и сразу, но так не бывает. Никто не может иметь всего. Умерь свои требования, Филипп.

Филипп отвернулся. Он чувствовал правоту зеркала; чувствовал – и в то же время бунтовал против нее. Она возмущала его, он и сам не понимал, почему.

– Я люблю Матильду. Но ее отец мне не нравится.

– Тогда думай не о нем, а о ней.

Филипп поднял голову; глаза Матильды смотрели на него из глубины мыльного пузыря. Он улыбнулся, и от его улыбки в комнате стало светло, словно в ней протянулись тысячи лучей, озарив ее всю. И лицо в зеркале тоже слегка изогнуло губы, словно ему тоже захотелось улыбнуться в зазеркальной дали.

– Ты идешь на день нерождения. Будь осторожен.

Филипп вздрогнул. Он редко получал от зеркала предупреждения, и всякий раз это означало что-то серьезное.

– В чем дело? Мне что-то угрожает?

– Твоя натура, – раздумчиво проговорило зеркало, – может далеко тебя завести. Пока ты на правильном пути; не сворачивай с него.

– Ты совсем как Лаэрт – то и дело даешь мне указания, словно я ребенок... Скажи лучше, что мне надеть? Или покажи, что меня ждет.

Зеркало словно подернулось туманом. На мгновение Филипп увидел себя и Матильду, озаренных огнями фейерверков. Он хотел спросить о чем-то, но таинственное лицо уже потускнело, расплылось, и зеркало вновь сделалось темным и неподвижным. Лаэрт, подслушавший за дверью, покачал головой и скользнул в комнату. Вампир никак не мог взять в толк, зачем надо разговаривать с собой на два голоса, но, как хорошо вышколенный упырь, он не подвергал обсуждению поведение хозяина.

– Что это? – спросил Филипп, указывая на ворох одежды, которую вампир приволок с собой.

Лаэрт объяснил, что, поскольку хозяин идет на день нерождения, ему не следует ударить в грязь лицом, не то его верный вампир-домоправитель (не путать с домовым, это вообще низшая категория темных сил по классификации высокочтимого ученого Шпренгера), – так вот, оный вампир в случае неудачи будет до скончания веков терзаться угрызениями совести. Филипп понял, что Лаэрт не отступит, и покорился неизбежному. С неимоверной быстротой вскрывая и разворачивая коробки и пакеты, вампир показывал, объяснял, расточал хвалы, примерял на хозяина, на себя, тряс в воздухе, сыпал словами, описывая все неопишуемые достоинства этой вещи, словом, вел себя точь-в-точь как торговка в приснопамятных Лужниках конца далекого XX века, когда она твердо решила вытянуть у вас деньги, – с той только разницей, что Лаэрт проделывал все это совершенно бескорыстно.

– Рекомендую, – верещал Лаэрт, – ультрамодный костюм «Умри от зависти», сделан из особо прочной паутины, сшитой лазерным швом, с металлическими заклепками; или «Принц не нищий», джинсы с прорезами, залатанными рубиновыми и сапфировыми заплатками; или...

Но Филипп был противником излишеств в одежде. С помощью Лаэрта он облачился в белую рубашку, простой костюм из серебряной парчи и куртку-хамелеон из кожи Бальзака, меняющую цвет в зависимости от того, сколько красивых девушек находилось рядом с ее обладателем. Обычно куртка стояла на максимуме, выражавшемся в переливчатом пунцовом оттенке. Впрочем, вела она себя вполне прилично.

– Жуткий красавец! – в экстазе заключил Лаэрт.

Вампир летал вокруг Филиппа, пинал шары, сдувал с хозяина пылинки и восхищался во весь голос: несомненно, это было самое удачное одеяние хозяина, с которым не мог идти в сравнение никакой жалкий смокинг, – как известно, род халата, который наши предки носили за неимением лучшего.

– Изумительно! Восхитительно! Обворожительно! – простонал вампир в 624-й раз, потирая три пары рук и обмирая от неподдельного восторга.

Филипп повернулся к зеркалу, и оно показало ему стройного молодого человека с тонкими чертами одухотворенного лица и непокорной каштановой прядью на лбу. Он отбросил ее назад, и отражение в зеркале показало ему язык. Что и говорить, он был очень хорош.

– Я возьму истребитель, мало ли что может случиться в дороге. Если будет пробка, придется нырять штопором.

Лаэрт хлопнул в ладоши, и в стене, мягко зазвенев, открылся лифт. На прощание Филипп в отместку показал своему изображению нос. А потом дверцы лифта сомкнулись, и в следующее мгновение он вознесся на крышу, где Филиппа ждал аэромобиль «Черный айсберг» 2200 года выпуска, коллекционная модель, снабженная к тому же четырьмя сверхреактивными двигателями, усовершенствованной катапультной и особыми средствами на случай столкновения с воздушной полицией. Филипп пристегнулся. Лаэрт висел над взлетной

площадкой и, утирая слезы, махал платочком. Плавнo поднявшись над крышей, машина развернулась на двести шестьдесят пять градусов и ринулась в ночь.

Сон второй

Циклон без устали несли на северо-северо-восток, а Серж Сутягин, пассажир нулевого класса, уютно расположился в везделе, летевшем в обратном направлении. Кроме него, в салоне было еще двое человек; третьего выпихнули в иллюминатор где-то над Тупиковой улицей за то, что он громко храпел. На Сутягине было щегольское одеяние лимонного цвета с перламутровым отливом, а голову венчал черный цилиндр с закрученными спиралью полями. Своим неотразимым видом он рассчитывал произвести впечатление на Матильду, чей день нерождения был как раз сегодня. Для тех, кто не знает, что такое день нерождения, объясним: поскольку в году 365 дней (а иногда и все 366), несправедливо, что день рождения празднуется всего раз в год, и поэтому, чтобы заполнить ожидание, назначаются дни нерождения с танцами, морем шампанского и игрой в прятки. На дни нерождения (в отличие от дней рождения) хозяева всегда дарят гостям подарки, причем на приличный день нерождения гостей является никак не меньше сотни, и поэтому легко себе представить, что далеко не всякий может себе позволить роскошь устраивать подобный праздник раз в месяц, как нормальные люди; а у Матильды, например, дни нерождения бывали даже по несколько раз в неделю. Некоторые находили из-за этого, что в Матильде много разных «чересчур»: она чересчур богата, чересчур умна и чересчур красива; впрочем, по-настоящему ей не прощали только последнее. Что касается Сутягина, он не понимал, как можно быть чересчур красивой, и в знак своей преданности вез Матильде букет из ежей и ужей, втайне рассчитывая, что он ей понравится; и потом, может быть, у нее не все так серьезно с этим Филиппом, у которого такие ясные глаза и такая лучезарная улыбка. До появления Филиппа Сутягин числился в списках соискателей Матильдиной руки. Под трехзначным номером, но все-таки числился; однако стоило появиться Филиппу... Стоило Сутягину вспомнить о том, какими глазами Матильда смотрела на Филиппа, как ему стало тесно в своем мягком кресле, тесно в везделе, тесно на этой планете, где приходилось дышать одним воздухом с удачливым соперником. Он ожесточенно рванул узел галстука, завязанного омертвевшей от соседства с сутягинской шеей петлей, и стал мечтать, как Филипп, пикируя на небоскреб Вуглускра, бубликового короля и Матильдиного отца по совместительству, сломает себе шею и Матильда, оплакав его, в законном порядке станет госпожой Сутягиной.

Филипп плавно приземлился на площадку перед домом. Это был обыкновенный небоскреб со всем, что полагается иметь небоскрегам: окнами, дверями, фронтонами, грифонами, химерами, колокольней и никелированным громоотводом. Перед главным входом три химеры играли в футбол головой минотавра. Завидев молодого человека, первая химера поставила ногу на «мяч» и подбоченилась.

– Скажи волшебное слово, – потребовала она.

– Осторожно, голова! – крикнул минотавр. Он следил, чтобы игроки не нарушали правила, что в его положении было довольно-таки тяжелой задачей – ведь на плечах у него ничего не было. Впрочем, у многих судей в этой области тоже не наблюдается ничего выдающегося, что вовсе не мешает им судить, рядить, карать, а изредка – даже миловать.

– Я по приглашению, – сказал Филипп, протягивая конверт с переливчатым голографическим гербом, перевязанный элегантною полоской из кожи сириусского нетопыря. Герб принадлежал Вуглускру, отцу Матильды, и представлял собой ленту Мебиуса, склеенную из множества акций, облигаций, чеков и кредитных карточек. Сверху над лентой Мебиуса красовался сверкающий золотой бублик – основная денежная единица Города, который был ей обязан своим процветанием, а внизу, как и положено, извивался благородный девиз, полный самого высокого сокрытого смысла. В данном случае он звучал так: «Завидуй, сколько взлетит, все равно не добьешься моего».

- Важный гость! – пискнула первая химера, кивая на нестерпимо сияющий герб.
- Особый гость! – подхватила вторая химера.
- Пропустить немедленно! – заключила третья.

В следующее мгновение все три химеры превратились в красивых девушек и заулыбались. Почему-то у второй во лбу оказался третий глаз.

- Милости просим! – хором закричали они, растягивая рты в сладкой улыбке.

Филипп вошел; в холле он сел в санки-лифт, которые помчали его по лифтопроводу, сделанному в виде русских горок, вдоль стен и потолков залов, вихляя и петляя с головокружительной скоростью. Наконец санки выплюнули гостя на груды подушек в виде бубликов, издавших при соприкосновении с телом юноши чрезвычайно приятный звон.

– Ты в раю! – шепнули ему в уши чьи-то голоса. Филипп поднялся. Громадный, размером со старинный стадион, зал был на три четверти заполнен гостями. В тот же миг молодой человек увидел Матильду, и ему захотелось сесть, лечь или пасть ниц – он так толком и не понял. Сегодня у нее были вишневые волосы, светившиеся изнутри алым светом, и такие же губы, а платье – из чего-то изумительного, яркого и полупрозрачного. Она поглядела на Филиппа, и тот почувствовал себя на седьмом небе, хотя и то небо он не променял бы сейчас на эту землю. Рядом с Матильдой стоял Сутягин. Его букет шипел и извивался.

- Очень, очень мило, – сказала ему Матильда. – Прощайте, меня ждут.

И она поплыла, рассекая толпу гостей, а они склонялись, когда она проходила мимо, и долго провожали ее восхищенными взглядами и шепотом зависти. Матильда приблизилась к Филиппу. Он взял ее руки в свои; его улыбка ослепляла, он даже забыл про Вуглускра и про то, как не хотел сюда идти.

- Я счастлив, – сказал Филипп.

Невидимый оркестр грохнул и лопнул в лиловом экстазе. С потолка потоками хлынуло конфетти из черного жемчуга. Гости аплодировали. Сутягин обливался потом. Ёж цапнул его за палец, и Серж взвыл от боли. Ужи хихикали, глумясь над его несчастьем.

– Пр-релестная пара! – произнес чей-то голос за его спиной. – Бр-раво! Бр-раво! Изумительно!

Обернувшись на манерный голос, Сутягин узнал в его обладателе знаменитого профессора Пробринкина. Профессор был, как обычно, в зеленом докторском халате и резиновых перчатках. На всякий случай Сутягин поклонился ему: Пробринкин слыл очень могущественным человеком. Впрочем, не он один привлекал в тот миг общее внимание: почтительный шепоток пробежал по рядам гостей, – вошел хозяин. Матильда, ведя жениха за собой, устремилась к отцу.

- Папа, Филипп здесь! – крикнул она.

И при этом оклике вся радость молодого человека куда-то улетучилась. Он незаметно высвободился, но Вуглускр уже заметил его и кивнул отечески-покровительственно. Толпа гостей кинулась к хозяину, спеша засвидетельствовать свое почтение, восхититься, вовремя вставить нужное словцо и, как знать, быть может, урвать кусочек от этой непристойной, кричащей, выставленной напоказ роскоши. Интерьер менялся каждые пять минут; зал попеременно превращался то в оплетенные лианами джунгли, то в морское дно, поле битвы, арену с гладиаторами; сразу же было видно, что здесь поработал опытный иллюзионер, и особо впечатлительные гости только успевали шарахнуться от львов, разгуливавших среди них как ни в чем не бывало, а животных уже сменяли пираты, берущие на бордаж какой-то корабль. Филипп, которому прискучили эти детские развлечения, ускользнул, но дорогу ему преградила женщина-пантера с подносом в руках.

- Шампанское?

Филипп, не глядя, взял волнистый бокал с прозрачной зеленой жидкостью, переливавшейся, как драгоценный камень; в глубине ее началось легкое брожение, и она тотчас

окрасилась в небесно-лазоревый. Филипп почувствовал разочарование: он загадывал свой любимый цвет – сиреневый. И внезапно совсем близко от него, как дуновение прохладного ветра (но нет, это невозможно, в наш век, когда погода регулируется одним мановением руки всесильного министра осадков), повеяло предчувствием чего-то большого, важного и еще не свершившегося. Филипп замер: он не мог оторвать взгляд от бокала, где шампанское медленно наливалось розовым. словно Неизреченное коснулось его лица своим крылом и упорхнуло прочь – но он был в том же зале, где гости смеялись, шептались, злословили и дурачились. Филипп поднял голову. Новый шквал конфетти обрушился на толпу, на этот раз – золотого, и блестки застряли в каштановых волосах Филиппа, осыпали его куртку и скользнули в бокал. Сначала он не увидел ничего, вернее, ничего достойного внимания: дородный Пробиркин, Ровена, подруга Матильды, в металлическом скафандре с соблазнительным декольте, содержимое которого более чем соответствовало международному силиконовому стандарту, какая-то разбитная девица лет сорока в платье из чертовой кожи и ангельских перьев, которая смеялась, запрокинув голову, так что он видел ее небо; с ней военный... потом знаменитый репортер Сильвер Прюс с двумя парами очков на носу... но за плечом Сильвера мелькнули чьи-то глаза, и Филипп замер. Он видел их долю секунды, может быть, одну тысячную, а может быть, и того меньше, но этого было достаточно; словно воды, сомкнувшиеся над его головой, разошлись, и он поднялся на поверхность. Ничего не изменилось, и ничто уже не было таким, как прежде; все стало другим. «Как чудно! – подумалось Филиппу. – Как странно!» Бокал в его руке стал совсем сиреневым.

– Филипп!

Матильда подошла к нему сзади и поцеловала в шею; он обернулся к ней, а когда вновь посмотрел туда, незнакомки уже не было. Сильвер Прюс разглагольствовал. Шампанское в руках Филиппа покрылось сизой пленкой. Та же женщина-пантера, а может быть, другая предложила бокал Матильде.

– За нас, – сказала Матильда, и в своенравном личике ее было столько любви и обожания, что Филипп не нашелся, что ответить. Гул восхищения бежал по залу, и перед Филиппом на мгновение мелькнуло свежее миловидное лицо Орlando Оливье, актера, о котором говорили, что он затмит всех предыдущих, если уже их не затмил. «Что это было?» – думал Филипп, ища вокруг очаровавшие его глаза, но их не было. Подошедший Вуглускр громко смеялся крокодильим банкирским смехом и веселился до неприличия. Попросив тишины, он громко объявил о помолвке своей дочери с Филиппом, здесь присутствующим, и галантно извинился за вынужденный размах праздника, чтобы не шокировать самых бедных миллиардеров. Льстивые поздравления, хлынувшие из всех уст, окончательно сбили Филиппа с толку. Пока Матильда с видимым удовольствием отвечала на них, он вспомнил о чем-то и бросился за Вуглускром.

– Я хотел бы попросить вас об одолжении, – волнуясь, проговорил он. – Речь идет об одном моем друге.

Бубликовый король рассеянно выслушал его, хлопнул по плечу и заверил, что все это мелочи и что он рад будет оказать Филиппу такую пустячную услугу. Сам не зная отчего, молодой человек почувствовал облегчение. Он выпил шампанское и скомкал бокал.

– Что у тебя? – спросила Матильда.

Филипп раскрыл ладонь; на ней лежала бабочка.

– Играем в прятки! – закричала Матильда и потащила его за собой. Водил несчастливца, чей бокал – о ужас! – оказался розой: это был Сутягин. Свет погас, гости с хохотом разбежались по комнатам. На какой-то лестнице Филипп налетел на пиратского канонира, выстрелившего в него из иллюзорной пушки. Грохот на миг оглушил Филиппа; Матильда со смехом поманила его из мрака и исчезла. Лестница заскользила под Филиппом, как эскалатор.

– Матильда! – тихо позвал молодой человек.

Ответом ему была звенящая тишина. Он повернулся и лбом стукнулся о скафандр, загремевший, как барабан. Филипп догадался, что это Ровена: она с давних пор преследовала его, пытаясь рассорить с Матильдой, но у нее ничего не выходило.

– А я вас поймала, – сказала она, жарко дыша ему в ухо.

Филипп пробормотал что-то невнятное и на всякий случай поспешил прочь. Раз или два он налетал на диван, который мгновенно превращался в стол с острыми краями.

«Я неуклюж, – думал Филипп. – Здешние вещи меня не любят. Точнее, они понимают, что я не люблю Вуглускра, их господина. За что? Вот вопрос!»

Вуглускр был богат. Вуглускр был удачлив. В свои 72 года он имел самую цепкую хватку на свете. Город склонялся перед ним, как перед богом. Бублики Вуглускра исчислялись миллиардами, будущее его было безупречно, а прошлое – невероятно плодотворно. Весь свет принадлежал Вуглускру, между тем как сам он принадлежал своей дочери, в которой души не чаял, а она – Филиппу, которого любила всем сердцем. Так что Филипп, будь в нем хоть капля самомнения, мог считать, что весь свет принадлежит ему, и извлекать из этого соответствующие выгоды, о которых, несомненно, позаботился бы более предусмотрительный человек. Впрочем, если бы Филипп был предусмотрителен, вряд ли Матильда полюбила его – по крайней мере, так, как она любила.

Филипп не знал, началась игра или уже закончилась; во всяком случае, ему было все равно. В лифте, сделанном в виде кареты Золушки (и оттого жутко неудобном, но что поделаешь – сказка есть сказка), он спустился в сад, где росли пластмассовые штыкгрозы, обвитые колючей проволокой. Первое время садовник пытался удержать ее в рамках приличия с помощью бульдозера и лазерных ножниц, но она насмехалась над ним и буйно раскинулась по всему саду. Филипп остановился в нерешительности: он ведь приказал лифту везти себя наверх, но в доме Вуглускра ни одна вещь не слушалась его. Впереди, между кустами, что-то белело. Филипп подошел ближе, и колючие гирлянды с тихим, шипящим свистом раздвинулись, уступая ему дорогу. Белое пятно плыло перед ним, то обретая очертания женского платья, то скрываясь в темноте. Они оказались в аллее, с обеих сторон обрамленной фонтанами, выбрасывавшими пестрые светящиеся струи, и здесь девушка оглянулась. Филипп узнал эти глаза, эти длинные загнутые вверх ресницы. Над длинными русыми волосами девушки порхала настоящая бабочка, и Филипп не мог понять, откуда она взялась. Он хотел заговорить – прямо над его головой с рокотом прокатился фейерверк, и весь дом вспыхнул огнями. Когда же молодой человек пришел в себя от неожиданности, незнакомки уже не было.

– Филипп!

Матильда повисла на его шее. В темном небе кувыркались, кружились фейерверки, выписывая их имена. Ровена, оказавшаяся тут же, сдержанно улыбалась, и в ее улыбке Филиппу чудилась насмешка. Сутягина, не поймавшего ни одного гостя, закинули за терновый куст и, в знак бесчестия, забросали ежами и ужами. Филипп обнял Матильду и поцеловал ее, и она ответила ему поцелуем.

Сон третий

– И все-таки, – говорил Филипп, летя домой на своем истребителе, – и все-таки, и все-таки... Такое ощущение, как будто я пропустил что-то... что-то очень значительное. И еще эти глаза... Как все это удивительно! Ты понимаешь меня?

Он обращался к компьютеру, который вел воздушный автомобиль, пока Филипп размышлял вслух.

– А что было потом? – поинтересовался компьютер. Он не любил лирических отступлений и всегда смотрел в корень дела.

– Потом? О, много разного: танцы, раздача подарков и пир горой.

– А тебе что подарили? – спросил компьютер.

– Не помню. Честно говоря, я даже не посмотрел, но это неважно, потому что свой подарок я отдал химерам. В конце концов, у них тяжелая работа – все время стоять там и ждать гостей. Вуглускр старался, как мог, но... не знаю. Не нравится он мне, есть в нем что-то такое... Неприятный он все-таки тип.

– Ой, как ты мне надоел со своим нытьем, – отозвался компьютер. – Я это слышал уже много раз, уши вянут! Может, прошвырнемся лучше по девочкам?

– Умолкни, маньяк озабоченный, – посоветовал Филипп.

– От маньяка слышу, – не остался в долгу компьютер.

Они пререкались еще минут пять в таком же духе. Неожиданно компьютер умолк. Машина вылетела на аэробульвар. Со всех сторон на нее красными хлопьями сыпался снег.

– Опять! – проворчал компьютер. – Честное слово, Филипп, я пошутил. Я вовсе не хотел портить тебе настроение.

За окнами танцевала метель. Компьютер смачно выбранился, чтобы поднять температуру, но это не помогло. Филипп едва удостоил метель взглядом.

– Я хочу белый снег...

Компьютер, получивший хорошую взбучку, пилотировал машину в молчании.

– Поговори со мной, – попросил Филипп. – Я счастлив, черт возьми, я во что бы то ни стало должен быть счастлив. Мне все завидуют, я видел это по их лицам и речам, а я... я не понимаю, что со мной. Скажи, отчего мне так плохо?

– Не знаю, – отозвался компьютер, зевая, – и вообще, это не по моей части. Сходи в галактический театр, развейся.

– А ты сам был там?

– Видел представление. Ничего, забавные такие уродцы.

– Для них, наверное, уродцы – это мы, – сказал Филипп.

– Статья первая кодекса Дромадура, – предостерегающе шепнул компьютер. – За заявление об ущербности человеческого рода можно угодить на виселицу, да так на ней и остаться.

– Нет, в галактический театр я не пойду, – решительно заявил Филипп. – А что нового в кино?

– Ничего особенного. Орландо Оливье на прошлой неделе снялся в трех фильмах.

– Как это он успевает? – удивился юноша.

– Он просто продал свое лицо, – объяснил компьютер, – а остальное рисуют программы. Живьем он снимается только в рекламе, и то, если хорошо заплатят.

– В жизни он не такой, как на экране, – заметил Филипп. – Я видел его на дне нерождения. Самый обыкновенный парень, мы даже перекинулись парой слов.

– Ну ты даешь! – хмыкнул компьютер. – Так ведь на экране он собран по частям. Голову берут от него, руки – от другого, ноги – от третьего, мускулы, если понадобится, тоже у кого-нибудь одолжат. Неудивительно, что весь Город по нему с ума сходит.

– Я не хочу сходиться с ума. Значит, и в кино я не пойду, – заключил Филипп.

– И зря, – сообщил компьютер. – В последней киношке он играет парня, продавшего душу цветам-мутантам за вечную молодость. Цветы нарисовали его портрет, который стареет вместо хозяина. Но все кончается хорошо, хотя он и погибает, когда уничтожает портрет.

– Что-то я ничего не понял, – признался Филипп. – Но это неважно, потому что я даже не успел спросить, как ее зовут. А потом мы танцевали с Матильдой, и Пробиркин подобострастно хихикал, как всегда, а Ровена говорила всякие двусмысленные гадости... Почему снег серый? – тоскливо спросил он внезапно.

– Но он белый, – удивился компьютер.

– Нет, белое – это ее платье. К черту снег. Я счастлив потому, что танцевал с Матильдой, и потому, что она чудесная, и потому... потому... Пусть будет ясная погода.

Небо очистилось. Огромное, исчерна-лиловое искусственное солнце восходило на севере, в то время как другое, желтое и радостное, клонилось к закату. Давным-давно его сияние озаряло земные дни, но с тех пор прошло много лет, и его излучение было объявлено вредным. Тогда-то и было запущено искусственное солнце; зябким белесым светом оно осветило ночь, и ночь стала днем, а то время, когда в небе стояло настоящее солнце, было объявлено ночью. Филипп почувствовал волнение.

– Матильда была в белом? – спросил компьютер.

– Нет, не Матильда. Другая девушка.

– Хорошенькая?

В голосе компьютера звучали зависть и уважение. Филипп не ответил.

Сон четвертый

Филипп жил в доме, называвшемся хрустальным дворцом – потому, что он был построен из хрусталя, и потому, что действительно походил на дворец. Кроме того, дом обладал одним необычным свойством: когда вы приближались к нему, дворец начинал звенеть и наигрывать нежнейшие мелодии. Во всем Городе это было второе по красоте здание после особняка генерала Дромадура – приземистой бетонной коробки с окнами, забранными густыми решетками. Собственно, Дромадуров дом вовсе не был красив, но считался таким уже потому, что в нем обитал столь важный жилец. Впрочем, Филиппа ни капли не волновал ни всемогущий генерал, ни его особняк. Быть может, в глубине души он даже считал, что его дом красивее, удобнее и несравненно лучше; но, даже если он так думал, свои взрывоопасные мысли он хранил при себе.

Поздно утром Филипп вышел из аэромобилиа на крыше и не сразу позвал лифт. Он жил на двадцать седьмом этаже и при желании мог бы спуститься туда сам по воздуху, но за последние дни почти разучился летать. С тех пор как он объяснился с Матильдой, минул неполный месяц. «Матильда, Матильда, Матильда... Да нет, это нормально, что я больше не буду летать. Много ты знаешь людей, которые летают? (По правде говоря, единственным таким человеком был он сам, Филипп.) Или меняют погоду, потому что им так захотелось. Правда, когда у меня плохое настроение, всегда начинает лить дождь, а когда оно совсем никуда не годится, идет снег. Вообще, какой в этом толк?»

И Филипп, выбросив из головы грустные мысли, вызвал лифт и с ним ухнул вниз.

«Я женюсь на Матильде, у нас будут дети, я отращу усы, буду работать у Вуглускра и утрою бубликовый капитал. Дети вырастут, я постарею и... Я не хочу стареть. Не хочу становиться как все. Это нехорошо. Надо сходить к Пробиркину, посоветоваться, – подумал он в последний раз. – Что-то со мной неладное происходит».

При его появлении квартира сама собой осветилась; мрак, застигнутый врасплох, скользил по анфиладе комнат, и свет гнался за ним. Филипп вошел, сказал «Здравствуй» в темное и неподвижное зеркало и – замер.

На его диване лежал пришелец и спал. Спал, свернувшись клубочком и сладко посапывая во сне. Филипп готов был поклясться, что никогда не видел его раньше. Он ущипнул себя, чтобы убедиться, что это не сон, оглянулся и увидел разбитое витражное стекло. Дело прояснялось, но Филипп все же не мог уразуметь, что могло понадобиться в его квартире постороннему, боевого вида джентльмену с лихими усами, топорщившимися в разные стороны. Если добавить, что у непрошеного гостя был отменный серый костюм в необыкновенную черную полоску, великолепный предлинный хвост и острые уши, становится ясно, что это был не кто иной, как кот. Он приоткрыл один глаз, увидел Филиппа, повернулся на спину и сладко, блаженно зевнул, показав ослепительной белизны и остроты клыки.

– Здравствуйте, – сказал кот вежливо.

Филиппу ничего не оставалось, как ответить ему тем же. Кот одним прыжком соскочил с дивана и отвесил юноше тройной поклон.

– Я имею честь беседовать с хозяином этого гостеприимного жилища? – осведомился он.

– Хозяином, да, – подтвердил Филипп, сильно сбитый с толку манерами и поведением пришельца. – Вообще-то эти стекла непробиваемы. По крайней мере, мне так говорили.

– Покорнейше прошу не вешать на меня всех собак, – сказал кот. – Войдите в мое положение! Я никому не причинил зла и теперь жалею об этом. И вообще, я ее ни о чем не просил! В конце концов, это мое хозяйство. Кому какое дело? Но с этими людьми вечные хлопоты. Вот и пришлось мне спасаться.

Всё снова запуталось, и на этот раз безнадежно. Кот говорил на человеческом языке, и все же Филипп ни слова не понял из того, что он произнес. Разумеется, в том, что кот говорил, не было ничего удивительного. Из документально зафиксированных древних источников, известных как сказки, мы знаем, что коты всю жизнь только этим и занимаются и вообще по части рассудительности и благоразумия далеко опередили людей. Все же Филипп сделал попытку понять, о чем же, собственно, идет речь и от кого так поспешно спасался кот по совершенно гладкой отвесной стене.

– С вами что-то случилось? – спросил молодой человек.

Кот поманил его к себе и состроил таинственное ли... простите, таинственную морду.

– Чрезвычайные обстоятельства. Молю об убежище, – тихо сказал он.

– От кого? – изумился Филипп.

Кот вынул из нагрудного кармана чековую книжку, достал из-за уха перо, сел за стол и небрежно черкнул что-то.

– Сто бубликов – за ремонт, двести – за вторжение, триста – за моральный ущерб, – без интонации перечислил он и неожиданно мягко промурлыкал: – Идет?

– Да не возьму я ваших денег! – возмутился Филипп.

– Они не мои, – сухо отозвался кот.

– Тем более, – настаивал Филипп. – Понимаете ли, я не ждал...

– Я тоже, – сказал кот, пряча перо и чековую книжку. – Я живу девятью этажами выше у одной состоятельной дамы. Моя хозяйка – обворожительная женщина, просто обворожительная... Кстати, – сам себя перебил кот, – вы женаты?

– Еще нет.

– Значит, никакой надежды. А может быть, вы передумаете? Или уже передумали? С людьми такое случается.

Филипп вспыхнул и быстро спросил:

– Что же произошло?

– Жаждете узнать? – осведомился кот иронически. – О, нечто ужасное... ужасное, – прибавил он с театральной интонацией.

– А именно? – несмело вставил Филипп.

Кот раздраженно шевельнул усами.

– Я же говорю, она очаровательная женщина, и на то, чтобы поддерживать это очарование, тратится много времени и средств. – Кот сделал значительную паузу и поглядел на Филиппа. – В общем-то я не против. Но как же это ужасно! Представьте себе, вы доверяете человеку, вы полностью полагаетесь на него, и вдруг... вдруг такое!

Филипп ждал продолжения. Кот, казалось, предавался скорби, заново переживая нанесенную ему обиду, и от избытка чувств не мог вымолвить ни слова.

– Она разорилась? – спросил Филипп участливо.

– Кто? – с досадой спросил кот. – Хозяйка? Эта дура еще двести лет будет жить бедно, даже если будет пригоршнями швырять бублики псу под хвост. Ха! По всему видно, что вы ее не знаете. И как же она со мной обошлась!

– Как же?

Кот горестно воззрился на него.

– Как с последней собакой! Представьте себе, нет, только представьте, всякий раз, когда она делает себе маникюр, она вспоминает обо мне и норовит сделать маникюр и мне, а заодно отрезать и кое-что другое...

– Другое? – подбодрил его Филипп, видя, как кот дрожит от гнева.

– Да, другое! – отчеканил кот. – Выражаясь будничным ветеринарским языком, кастрировать-с!

– Маникюрными ножницами? – спросил Филипп недоуменно.

Кот, казалось, обиделся.

– Нет, для этого приехали живоде́ры со своими приспособлениями, а я до последнего мгновения ничего не подозревал. И моя хозяйка была так ласкова со мной! Никогда нельзя верить женщинам. С виду они лапочки, а замышляют пес знает что! Тут входят эти трое. Я их сразу же раскусил. Ну, думаю, надо спасать честь и достоинство. Я в этом деле собаку съел. Одного уложил из дырокола, другого зарезал мясорубкой, а третий начал звать на помощь наряд мышкетеров. Я по стене и перебрался к вам. Простите за стекло, конечно... Так как насчет убытков, – вернувшись к деловому тону, заговорил он, – не хотите возмещения? Мы, коты, умеем ценить оказанные нам услуги, и будь я даже беден как церковная мышь, я бы все равно нашел чем вас отблагодарить.

– Я, право, тронут, – сказал Филипп, сделав серьезное лицо, хотя его распирало от смеха, – и приглашаю вас остаться у меня, сколько вам будет угодно.

– С превеликим удовольствием, – отвечал любезный кот. – Простите, я забыл представиться. Меня зовут Амадей, но хозяйка почему-то предпочитает величать меня Василием. Но вы человек с понятием и не дадите ввести себя в заблуждение.

Филипп назвал себя.

– Я вам помешал, – сказал Василий-Амадей. – Располагайтесь как у себя дома.

Филипп не преминул оценить по достоинству любезность подобного предложения. Только сейчас он заметил отсутствие Лаэрта.

– Скажите, – обратился он к коту, – вы случайно не видели моего домоправителя? Прозрачный такой, зеленый, глаза красные, и проходит сквозь стены.

– Э-э... – в некотором замешательстве начал кот. – Дело в том, что я никого не видел. Ни зеленого, ни красного, ни прозрачного.

– А, значит, он еще в морозильнике, – с облегчением сказал Филипп.

Чтобы отвадить Лаэрта от кровожадных привычек и привить ему хладнокровие, Филипп приучил вампира спать в прохладном месте. Вечером Лаэрт сам забирался туда, а утром хозяин выпускал его. Впрочем, поскольку Филипп частенько пропадал по ночам и отсыпался днем из нелюбви к искусственному солнцу, то и Лаэрт следовал его примеру, то есть на деле все обстояло совершенно наоборот.

– Который час? – спросил Филипп у зеркала.

– Уже пятый, – последовал ответ.

– Боже мой! – ахнул молодой человек, бросаясь на кухню, откуда доносился адский грохот. Что-то тяжело и гулко билось в морозильнике. Филипп нажал на кнопки, створки разъехались, и Лаэрт, весь в сосульках и обледеневший, в облаке пара рухнул на пол.

– Прости, – сказал Филипп. – Я опоздал.

Заиндевевший Лаэрт явно не склонен был принимать извинения. Он включил микроволновую печь и нырнул туда, слабо молвив:

– Просьба не беспокоить, санитарный час... – И захлопнул дверцу за собой.

Кот, стоя в дверях, изумленно взирал на эту сцену.

– Это мой вампир, – пояснил Филипп. – Присаживайтесь.

– Э-э... я... – начал было кот, но отступать было некуда. Он вздохнул и уселся на краешек стеклянного кресла, поставив локоть на стол.

– Как насчет угощения? – спросил Филипп, возвращаясь к хозяйским обязанностям.

– Не откажусь, – чинно отвечал кот.

Над головой Филиппа выдвинулся из стены экран, зажегся и представил миниатюрную девушку. Краснея, она справилась, что готовить сегодня.

– Что предпочитаете? – спросил Филипп у кота.

– Пожалуй, дюжину постных мышей под соусом а-ля Мисмис, – мгновенно отреагировал Амадей.

– Посмотрим, справится ли она, – сказал Филипп, кивая на девушку. – Кстати, разве кошки едят мышей? Я думал, вы всегда охотились на бегемотов.

– Охотились когда-то, но голокожим... простите, людям это пришлось не по душе. Тогда мы стали ловить мышей, и весьма в этом преуспели, а теперь и сами привыкли.

Лаэрт вылетел из печки: он выглядел гораздо лучше, но между делом приобрел хрустящую золотистую корочку, которая ему не шла. Весь дрожа, вампир пролетел через кухню и плавно опустился на стул. Филипп налил ему горячего кофе. Лаэрт залпом проглотил обжигающий напиток и вмиг окрасился в ошеломляющий малиновый цвет.

– Что у нас сегодня на завтрак? – осведомился он сипло, как только обрел дар речи.

– Макароны с сыром, – сказал Филипп.

Лаэрт засопел, что всегда являлось у него признаком крайнего раздражения.

– Макароны вчера, макароны сегодня, макароны завтра, – мрачно перечислил он. – Так я скоро стану тенью. Если я стану тенью, то мне придется перейти в класс привидений, а это уже совсем не тот уровень. И кому я буду жаловаться? Неужели, – продолжал он, уже всхлипывая от жалости к себе самому, – неужели со всеми вам пирами так плохо обращаются? Морозят, жарят, морят голодом... Даже мистер Шекспир никогда себе не позволял такого, даром что ростовщик!

Филиппу было нечего возразить, поэтому он и не возражал. Выждав положенное время, Лаэрт смахнул кончиком хвоста скупую вампирскую слезу.

– Посмотри, до чего ты меня довел. – Он повернулся к хозяину в профиль и сделался невидимым. – Видишь? Я так больше не могу. Вот возьму и уйду от тебя, и тогда посмотрим, как ты без меня будешь обходиться.

Это была одна из любимых угроз Лаэрта, но он никогда не приводил ее в исполнение. Туманный взгляд вампира неожиданно упал на кота. Лаэрт как-то странно оживился.

– А может, попробуем дичь? – с надеждой в голосе предложил он.

Филипп укоризненно посмотрел на него. Амадей, до того не принимавший участия в разговоре, поскольку был занят завтраком, помедлил, взял очередную мышь и кинул ее в пасть вместе с соусом.

– Это вы обо мне? – с полным ртом спросил он, вытирая запачкавшиеся лапы о салфетку.

– Именно, – с горящим взглядом подтвердил вампир.

Кот задумчиво пожевал и выплюнул в сторону Лаэрта очки, диплом и серый хвостик. Мышь, очевидно, попалась ученая.

– Не советую, – сквозь зубы процедил кот. – Могут быть жертвы.

– Он только что прикончил двух ветеринаров, – объяснил Филипп. – Так что не стоит его трогать.

– Прикончил? За что? – загорелся Лаэрт; он страшно любил, когда кого-нибудь убивали.

– За достоинство, – пояснил кот, ковыряясь в зубах зубочисткой.

– А, ну это мелочь, – разочарованно хмыкнул вампир, принимаясь за свои макароны.

– Смотря для кого, – сдержанно отозвался кот. – Мне лично это – что вам отрубить голову.

За разговором завтрак пролетел незаметно. Кот съел на десерт суфле с черной икрой и начал философствовать. Он был образован и порядочно начитан, но из всех писателей признавал только кошачьего классика Эрнста-Теодора-Амадея Мурра. Лаэрт, не чуждый литературы, рассказал об одном английском поэте, которого в свое время пугал, воя в печной трубе, а потом перешел на знакомство с Тамерланом.

– Это было, когда я еще был человеком, – пояснил он. Тусклая искра блеснула в его глазах и погасла.

– Можно воспользоваться вашим видеофоном? – спросил кот. – Нет, лучше не отсюда...

Получив разрешение, он извинился и ускользнул в гостиную, где попросил соединить его с номером. Соединение последовало немедленно.

– Алло? Да, это я. Да, дорогая...

С экрана неслись истерические вопли. Изможденная женщина в кольцах кричала и протягивала иссохшие руки. Кот выпрямился, лапой подкрутил усы.

– Что поделаешь, такое уж я тонкое существо. Трупы убрали? Не выношу вида крови. Разумеется, моей. Больше не повторится? Ты уверена? Верю. Целую. Люблю.

Кот отключился от линии и вернулся к друзьям.

– Я иду домой, – объявил он. – Нельзя надолго оставлять хозяйку без присмотра: мало ли что с ней может случиться. – Он сдвинул воображаемые каблуки и церемонно поклонился Филиппу. – Вечный ваш должник. Насчет возмещения не передумали? Тогда я у вас в долгу. До свидания.

Кот удалился; Филипп, как это было принято, выпустил вампира в форточку на ежедневную прогулку и задержался в гостиной, где Лаэрт уже вытер цветные лужи и вымел в кладовую мыльные пузыри.

– Скажи, отчего все как-то не так? – спросил он у зеркала, но оно безмолвствовало.

Он ушел к себе в спальню, где стояла огромная кровать под балдахином, и бросился на нее, раскинув руки. Под веками у него двигался и жил изменчивый облик девушки в белом. Потом он заснул, приняв таблетку кошмара, чтобы не скучать во сне, и велел часам разбудить себя ранним вечером.

Сон пятый

Время было как раз такое, каким ему полагается быть, то есть временное, когда Филипп вышел из хрустального дворца и зашагал по направлению к кафе, где по вечерам собирались его друзья. Истребитель ждал его на крыше, но в последнее время все приелось Филиппу, даже любимая машина, и развлечения ради он решил пройтись пешком. Тротуары были почти пусты; высоко в небе вдоль аэробульваров с приглушенным шумом сновали вездолеты, воздушные такси, истребители и мышкетерские перехватчики. Раньше человек был слишком привязан к земле; он много ходил по ней и ездил в неуклюжих колывагах, которые даже не могли от нее оторваться; цивилизация устранила эту ошибку. От непривычки у Филиппа закололо в боку, но он справился с собой. Какой-то оборванец на замызанной «Нивке-бурке», увидев его, захохотал и, проезжая мимо, нарочно шваркнул колесом по грязной луже. Филипп вовремя отскочил в сторону, и оборванец, досадуя, что его шутка не удалась, врезался в стену министерства ничегонеделательной промышленности. И он, и его жалкое авто сплющились в лепешку, а Филипп спокойно проследовал дальше.

На углу улицы он столкнулся с ветром.

– Что ты тут делаешь? – спросил молодой человек.

– Дую, – ответил ветер.

– Ну и дуй отсюда, – неприязненно сказал Филипп.

Ветер сделал вид, что не слышал, но в душе решил, что этого он так не оставит. Встав на цыпочки, он стал красться за Филиппом, поджидая удобный случай, чтобы отомстить, но тот вел себя осторожно: переходил улицу только на красный свет и вообще держался благоразумно.

Когда Филипп поравнялся с площадью, на огромном экране возникло лицо Орlando Оливье, который, как звезда, был поистине вездесущ: он уговаривал сограждан мыться только той синтетической водой, которую изготавливает завод Вуглускра. Несколько ненароком случившихся при этом особей женского пола, завидев всеобщего любимца, попадали в обморок. Филипп бросился им на помощь, но неожиданно взвыли сирены воздушной тревоги, и экран заслонило лишенное выражения пухлое лицо, в котором Филипп безошибочно признал бессменного правителя Города генерала Дромадура. Те, кто упал в обморок, вскочили и бросились врассыпную, подгоняемые священным ужасом.

– Граждане... будьте бдительны...

Филипп зажал уши и кинулся прочь. Дромадур ревел, грозил, гремел, проклинал, рокотал ему вслед.

– Всякий, кто смеет подавать подобный пример... а-а-а...

Филипп свернул на какую-то улицу. От быстрого шага он запыхался и все еще зажимал руками уши, чтобы не слышать. Улица казалась пустынной, только впереди одиноко маячил тонкий женский силуэт. Филипп опустил руки. То, о чем вещал экран, уже не имело никакого значения; теперь для молодого человека существовала лишь музыка – музыка его сердца, и она вела его помимо его воли. Незнакомка то приближалась к нему, то удалялась. Она шла, не оборачиваясь, и Филипп желал, чтобы так было вечно: больше всего в эти мгновения он боялся увидеть не то лицо, которое искал. Ветер швырнул ему под ноги банановую корку, Филипп поскользнулся, пребольно упал, но в следующий миг был уже на ногах. Девушка исчезла: боясь потерять ее из виду, Филипп побежал, и за поворотом угадал присутствие, наполнявшее его таким теплом. Уродливые дома, выстроенные между четвертой и пятой мировыми войнами и напоминавшие поставленные вверх ногами ступенчатые пирамиды, неожиданно стали самыми прекрасными на свете. Там, среди их грязных стен, незнакомка приостановилась. Оглянулась. Подняла на него свои огромные, сияющие, широко распахну-

тые глаза в обрамлении черных ресниц, с этим странным, чуть удивленным, чуть застенчивым выражением, прелесть которого нельзя передать никакими словами бледного человеческого языка. Филиппу показалось, что она смутилась, и оттого, что он мог быть причиной ее смущения, он смутился тоже; но все его существо ликовало.

Забияка-ветер сорвал с головы девушки шляпку и понес на уровне третьего этажа, радуясь, что наконец-то смог досадить. Легко, без малейшего усилия Филипп взмыл ввысь, догнал шляпку, завладел ею и приземлился рядом с девушкой, которая ждала его с улыбкой на мягких, округлых губах. Тут на юношу напал ужаснейший столбняк. Он застыл как вкопанный, потому что девушка показалась ему еще красивее, чем прежде. В этот вечер у нее были волосы с лазоревыми и серебряными прядями и изумрудные губы, искрящиеся блесками; но это была именно она – Филипп признал бы ее из тысячи, – и она же находилась здесь, рядом. Всё это казалось чудом, необъяснимым и непостижимым. Девушка протянула руку, по-прежнему улыбаясь. Филипп смешался.

– Простите, – пробормотал он, не зная, куда деться, и желая провалиться на сто метров под землю, в казематы, где, как говорили, Дромадур держал своих пленников – тех из общественно опасных смутьянов и цветов-мутантов, кого ему удавалось поймать. – Это ваше.

– Да, – сказала она просто, глядя ему прямо в глаза.

– Вы меня помните? – спросил молодой человек с надеждой. – Мы были вчера вместе на празднике у... – Он запнулся; неожиданная мысль о Матильде обожгла его.

– Да, – подтвердила незнакомка, не сводя с него своего спокойного взгляда. Только в нем Филипп черпал свою уверенность.

– Мы можем еще где-нибудь встретиться? – спросил он робко (потому что желал спросить именно это).

– Нет, – сказала она. – Я не могу.

– Пожалуйста! – горячо попросил Филипп. – Только раз. Один-единственный.

– Нет.

Филипп вздохнул и повесил голову. Неожиданно лицо его озарилось.

– Тогда я приду на свидание один. И буду приходить каждый день.

– Зачем? – спросила девушка. – Вы такой красивый, у вас наверняка кто-то должен быть.

– Когда-нибудь, лет через сорок или через шестьдесят, вы снова пройдете по этой улице. И я расскажу вам, как долго я вас ждал. Вы будете тронуты и пожалеете, что так жестоко обошлись со мной. А я не хочу, чтобы вы жалели, пусть даже обо мне.

– Вы будете ждать? – спросила девушка. – Сорок лет, это... это очень много. А вдруг я больше не пройду по этой улице? Вдруг я не хочу знать, что меня кто-то ждет?

– Но вы уже это знаете. Я буду ждать вас.

– Хорошо, – сказала она, перестав улыбаться и глядя на него по-детски серьезно. – Завтра, в половине восьмого.

– Значит, в четыре, – сообразил Филипп. – Я провожу вас?

– Нет. Иначе я не приду.

Она повернулась и, бросив на него ясный взгляд, ускользнула. Вот еще шаг, еще один, и она скрывается, исчезает, тает в солнечном свете, оставив в его груди что-то зыбкое, трепыхающееся, теплое – надежду.

– Пропал ты, – сказал ветер сочувственно-насмешливо. Он не одобрял человеческих слабостей.

Филипп ничего не слышал. Погруженный в свои размышления, он продолжал свой путь, и ему казалось, что отовсюду, со всех экранов и рекламных щитов на него смотрело ее лицо.

Сон шестой

В то время как Филипп шел навстречу одному из восхитительнейших приключений своей жизни, некий молодой человек открыл глаза в своей квартире на сорок восьмом этаже (над уровнем моря) дома, называемого в просторечии не иначе как хрустальный дворец.

Некоторое время вышеозначенный молодой человек пролежал без движения; затем, охая и стона, попытался определить, на месте ли его голова. Голову так и не удалось найти, из чего ровным счетом ничего не следовало, кроме того, что он ее где-то потерял. Все прочие члены и органы также пребывали в ужаснейшем беспорядке и, очевидно, требовали оперативного хирургического вмешательства.

– Свет! – простонал человек.

– Доброе утро, Орlando! – вкрадчиво проворковал домашний компьютер. – Как вы себя чувствуете?

Орlando боком сполз с кровати, путаясь в одеяле. Потолок в его спальне представлял небо (причем – в натуральную величину), а пол был устлан толстым слоем славословий в его честь.

– В полном шоколаде, – промямлил он.

В обычное время его лексикон состоял из двух выражений: «по барабану», выражавшем неприятие, и «в полном шоколаде», обозначавшем довольство существующей ситуацией, но в экстремальных условиях к ним добавлялись некоторые другие слова, как-то: мать, рифмующееся с ним популярное слово разговорного обихода и кое-какие еще.

– Семьсот девяносто шесть вызовов, – отчитывался компьютер. – Двести сорок угроз самоубийства, двести тридцать девять угроз убийства, остальные просто звонили, чтобы выразить свои невыразимые чувства к вам.

– По барабану!

Орlando удалось-таки, после нескольких неудачных попыток, принять приблизительно вертикальное положение, после чего он залпом выложил весь свой словарный запас. Поскольку слова отняли у него последние остатки сил, неудивительно, что, исчерпав все мыслимые и немыслимые выражения, актер снова рухнул на бок.

– Что-то не так? – участливо спросил компьютер.

– Свет, – застонал Орlando. – Открыть окна!

– Считаю своим долгом предупредить вас, что в это время...

– Солнце! Впустить свет!

– Уровень кислорода в наружной атмосфере... – бубнил компьютер.

Окна с треском опустились. Орlando скрючился на полу. Тот, кто увидел бы его в это мгновение, ни за что не поверил бы, что перед ним звезда, – таким маленьким и жалким он казался. Солнце медленно восходило, золотя лучами волосы Орlando. Компьютер, захлебываясь, твердил об опасности, пока не выдохся окончательно. Надвигалась ясная ночь, тени тянули свои щуплые руки к лежащему юноше, но они таяли, терялись в углах спальни и чахли на глазах. Солнце, настоящее солнце показалось в окне и брызнуло расплавленным золотом. Орlando шевельнулся, затем без какого-либо напряжения поднялся и будничным тоном велел захлопнуть окна.

– Какой я красивый, умный, талантливый, – говорил он сам себе, стоя перед зеркалом. – Нет никого красивее, талантливей, умнее меня...

Он умолк, ожидая ответа, но его не последовало. Орlando заглянул на дно аквариума, где он обычно держал своих поклонниц. Ему нравилось, когда они отвечали «да» на все, что бы он ни говорил, и превозносили его до небес, когда он молчал. Но вчера, готовясь к вечеринке у Вуглускра, он, должно быть, забыл подсыпать поклонницам корму, и

они лежали на дне мертвые. Равнодушные акулы проплывали над ними, осьминог ковылял в зубах зубочисткой. Орландо выпустил акул и осьминога, взял аквариум и вылил его содержимое за окно. Снизу донесся истошный вопль. Орландо выглянул наружу и узнал Сильвера Прюса, который, как истый журналист, парил под его окнами и принял на себя основной удар. Орландо обрадовался, потому что ненавидел Сильвера, хоть и сам не знал, за что именно. Он взял под мышку вишневый рояль и сбросил его вниз на журналиста, чтобы завершить начатое дело, затем преспокойно отряхнул свои маленькие ладони и захлопнул окно. Старшей акуле, которую звали Акулина, он велел позвонить по видеофону и сказать, чтобы доставили новый рояль с Сатурна, иначе он обидится и не будет рекламировать новую таблицу умножения, согласно которой дважды два равнялось шести минус два – мысль столь революционная, что не все лучшие умы города могли до нее додуматься.

– А все-таки я лучше всех, – сказал Орландо по возвращении из ванной, где домашние автоматы умыли его, почистили ему зубы, поставили под душ, извлекли из-под душа, покрасили волосы, побрили, подстригли и изменили цвет глаз с фиалкового на пронзительно-синий, что более соответствовало последней галактической моде. Орландо небрежно сунул в карман стозарядный дырокол – на всякий случай – и свистнул свой истребитель. Несколько дней назад генерал Дромадур предложил ему, как достоянию государства, круглосуточную охрану из двух мышкетеров. Орландо, услышав это, впал в глубокую задумчивость.

– И что, ваши мышкетеры будут охранять меня? – капризно-надменно осведомился он.

– Несомненно, – важно отвечал Дромадур.

– А кто будет охранять их? Я имею в виду, чтобы охранять меня, они должны быть спокойны за свою жизнь.

Дромадур признал доводы Орландо неотразимыми и пообещал выделить еще двух мышкетеров.

– Да, но этих тоже должен кто-то охранять, – возразил Орландо.

Сошлись в конце концов на том, что Орландо будет заботиться о себе сам. Для сохранения своего инкогнито он пользовался различными личинами, в чем ему немало помогала врожденная страсть к перевоплощению. В зависимости от обстоятельств он мог предстать неотразимым красавцем, стариком, бродячим торговцем и даже сурьезным гномом с очками на носу. Хотя Орландо недолюбливал гномов, ему все же нередко приходилось облачаться в этот нелепый наряд. Для пущей важности он приклеил себе седые усы, так что зеркало, завидев его, даже скривилось от отвращения. Велев акуле никого не впускать, он счастливо ускользнул от почитателей и журналистов, толпившихся возле здания в ожидании его выхода, и отправился на студию рекламировать таблицу умножения.

Сон седьмой

«Что же это такое?»

Всю дорогу Филипп только и делал, что думал о Ней. Ее неуловимый образ витал вокруг него; он вспоминал все обстоятельства их встречи, и на губах его блуждала улыбка, от которой на щеках выступали ямочки. А еще он вновь мог летать; он поднялся по воздуху за шляпкой незнакомки, и, странное дело, Она ничуть не удивилась. Она назначила ему свидание; при одной мысли об этом он чувствовал умиление, нежность, блаженство; он готов был обнять весь мир за то, что тот волшебным образом воплотил его сокровенную мечту. Тысячи раз он повторял про себя слова, которыми они обменялись среди ступенчатых пирамид домов, в которых никто не жил, – но во всем, что касалось Ее, он находил гармонию, потому что Ей одной принадлежало право преображать все, к чему она ни прикасалась. Несколько раз Филипп даже перешел улицу на зеленый сигнал светофора, потому что этот цвет напоминал ему о Ней, и уличный компьютер занес его в черную книгу Дромадура, где хранились списки неблагонадежных граждан. На подходе к кафе, где он обычно встречался с друзьями, Филипп вдруг сообразил, что в спешке забыл даже узнать ее имя. Душа его наполнилась горечью, но он быстро вышел из положения, рассудив, что имя у нее должно быть такое же красивое, как она сама, и, значит, самое красивое имя на свете.

«Итак, ее зовут...»

Какой-то прохожий, бодрый трехсотлетний старикашка, прегрубо отпихнул Филиппа и помчался дальше. Старичок, очевидно, бегал каждый день свои положенные пятьсот километров, чтобы механизм не ржавел; сердце, легкие, желудок и все остальное у него были искусственные. Филипп проводил его печальным взглядом.

«Может быть, Летиция. Но почему Летиция? Офелия, нет, Маргарита, нет, это имя запрещено специальным указом Дромадура из-за военных действий с цветами-мутантами, а жаль... Мадлен – Вивиана – Матильда... Ох, нет, нет, только не это!»

Он увидел, что нищие обступают его и намерены взять в заложники, чтобы требовать выкуп по всем правилам. Но в этот миг на улице показался красавец мышкетер с мышкетом, опоясанный мышметной лентой, в углублениях которой лениво дремали мышцы. Одна из них потянулась и, свирепо оскалась, щелкнула на нищих зубами. Филипп изумился – улица тут же опустела, нищих как ветром сдуло. Ускорив шаг, он благополучно добрался до кафе «У разбитого корыта», где его ждали друзья – Ромул Лиходей, Генрих Гаргулья и Пончик Ляпсус.

– Вот и он! – радостно завопил Ромул, едва Филипп вошел. – А мы уже думали, ты не придешь.

Ромул был длинный и тощий, Гаргулья подвизался в студентах у Пробиркина, а Пончик был пессимист.

– У тебя вид классического влюбленного, – заметил Пончик со вздохом.

Филипп вспомнил, где он находится: только что он жил мечтой, теперь наступил черед реальности. Автоматический бармен смешивал коктейли, музыкальный компьютер вдохновенно импровизировал, выдавая мелодии одна неповторимее другой; в отличие от всяких там гениев, которые прохлаждаются в ожидании музыки, безнадежно застрявшей в дорожной пробке или где-то еще, он работал двадцать пять часов в сутки без передышки. В заведении было полно народу. Филипп поздоровался со всеми и выпил с друзьями за их здоровье.

– А где Мистраль?

Мистраль принадлежал к их компании; он был писателем, и Филипп знал его с самого детства, когда их родители жили в соседних домах. Тем не менее юноша до сих пор не решил для себя вопрос, как именно он относится к Мистралю. Слишком уж отчужденно и обособ-

ленно тот держался, а в последнее время Филипп так вообще почти его не видел. От друзей он уже знал, что у Мистраля роман с Ровеной, и, похоже, неудачный – просто потому, что ни один человек на свете не мог бы иметь с этой девушкой удачный роман. Ровена обожала, когда в нее влюблялись беззаветно, страдали из-за неразделенной страсти, время от времени порывались лишиться себя жизни и вообще всячески мучились оттого, что недостойны находиться рядом с таким неповторимым существом, как она. И, хотя рассудительного и уравновешенного Мистраля трудно было представить себе в роли жертвы этой роковой красавицы, Филипп все же почувствовал глухую тревогу и спросил:

– Я надеюсь, с ним все в порядке?

– Кажется, – ответил Ромул. – По-моему, он расстался с Ровеной.

– А, ну тогда все действительно в порядке, – с облегчением сказал Филипп.

– Я слышал, она опять к нему вернулась, – заметил Гаргулья.

– Вот не везет так не везет, – вздохнул Филипп.

– Разве? – усомнился Пончик. – По-моему, Ровена – очень хорошая и милая девушка.

– Сразу же видно, что ты ее не знаешь, – сказал Гаргулья.

– Не обязательно ее знать, чтобы увидеть, что она красавица, – кротко отозвался Пончик. – А красота требует жертв.

– Со стороны характера? – фыркнул Ромул. – Не уверен. Взять хотя бы Матильду – и красавица, и славная девушка притом.

– Верю тебе на слово, – вздохнул Пончик. – Или, например, жена Генриха...

Гаргулья вздрогнул и опрокинул бокал.

– Только не это, – умоляюще прохрипел он. – Официант!

– А в чем дело? – удивился Пончик. Филипп мотнул головой и послал ему предостерегающий взгляд.

– Кажется, сегодня хорошая погода, – неловко вставил Пончик.

Гаргулья обреченно махнул рукой и заказал себе коктейль «Лед и пламень». Автомат послушно смешал живую воду, мертвую воду, ром, спирт, кислоту и царскую водку, все это поджег и для красоты обвинил соломинку живой гремучей змеей. Гаргулья выпил напиток залпом и потребовал двойную порцию. Совсем недавно он сдал жену с тещей в Музей Замечательных Стервоз и никак не мог привыкнуть к свободной жизни. Что касается его домоладцев, то, принимая во внимание исключительность экземпляров, их не только приняли, но даже заплатили за них. Генрих был вне себя от радости, потому что учеба у Пробиркина стоила дорого, и ему постоянно приходилось подрабатывать на стороне.

– У Пончика опять неприятности, – сказал Ромул.

Филиппа это не удивило: у Пончика вечно случались неприятности. История их знакомства настолько необычна, что ее стоит рассказать, пока не явился Сильвер (а он непременно явится, я вам обещаю).

Однажды Филипп поднялся на крышу своего дома и обнаружил там грустное существо, одиноко стоявшее на самом краю. Существо имело человеческий вид, и Филипп решился заговорить с ним, справедливо полагая, что нельзя без основательных причин стоять на краю крыши, с которой запросто можно свалиться.

– Здравствуйте, – сказал он.

– Прощайте, – ответило существо.

– Почему это? – удивился Филипп.

– Я собираюсь покончить с собой, – пояснило существо. – Жизнь отвратительна, любовь – химера, деньги – ловушка, в которую мы ловим себя самих, и, кроме того, сегодня мне подали на завтрак трюфеля вместо варенья из опавших листьев.

Филиппу стало жаль незнакомца, и он во что бы то ни стало решил спасти его.

– Да, вы совершенно правы, – сказал он. – Как раз сегодня меня бросили сразу четыре девушки, и я собираюсь последовать вашему примеру. Прошу вас заметить, что я живу в этом доме и, следовательно, имею право прыгать первым.

– Я первым забрался сюда, – отвечал незнакомец, – и никому не уступлю своего места. – С этими словами он немного подвинулся вперед.

– Как-то странно, – заметил Филипп, – умирать из-за каких-то дурацких трюфелей. Вы не находите?

– Нет, не нахожу, – отозвался его собеседник. – Мне никогда особенно не везло, но сегодняшний случай был последней каплей, переполнившей и без того полную чашу моих несчастий, первое из которых заключается в том, что я вообще появился на свет, а остальные прибавились в процессе так называемой жизни. Заметьте, я вовсе не утверждаю, что мир скверно устроен и так далее. С меня хватит того, что он скверно устроен для меня, и точка. Ничего хорошего я от него не видел и уже, слава богу, не увижу. Вы, например, вряд ли можете этим похвастаться.

– Это почему? – живо спросил Филипп.

– Раз вас бросили четыре девушки, значит, они у вас были, – пояснил незнакомец. – Терять можно только то, что имеешь, а если ты что-то имеешь, значит, жизнь не так уж тебя обделила. Если честно, то лично мне ваш случай кажется смехотворным. Вы отличный малый и, без сомнения, сумеете быстро наверстать упущенное.

– Но я их любил, – возразил Филипп. – Мое сердце разбито.

– Когда так говорят, значит, все еще впереди, – заметил незнакомец. – У разбитого сердца не остается слов, чтобы оплакать свою боль.

– Вы эгоист, – сказал в сердцах Филипп. – Думаете только о себе.

– Я думаю о том, что передо мной вечность. Прощайте, даст бог, скоро свидимся.

И незнакомец свалился с крыши. Не раздумывая, Филипп прыгнул за ним. На уровне сто девяносто второго этажа он догнал незнакомца и схватил его за рукав.

– Вот мы и увиделись, – сказал Филипп. – Простите, как вас?

– Пончик Ляпсус.

– Филипп Фазтон.

Они обменялись дружеским рукопожатием, не переставая падать.

– Долго еще? – спросил Филипп как бы невзначай.

– Сразу же видно, что вы непрофессионал, – заметил Пончик. – Потерпите. Еще каких-нибудь пять минут, и все. Вы не жалуете?

– Нет.

– А я да, – прервал молчание Пончик, когда они пролетали сто шестнадцатый этаж. – Предупреждаю вас, ощущение от соприкосновения с мостовой будет не из приятных, я бы даже сказал, немного болезненным.

– У вас случайно нет парашюта? – спросил Филипп, почувствовав, что его новый друг готов пересмотреть свое поспешное решение.

– Нет, – со вздохом ответил Пончик где-то на восьмидесятом этаже. – Мне никогда не везет. Бедная мама!

– У вас есть мать? – спросил Филипп с участием.

– Нет. Но ведь надо же о чем-то поговорить. Я бы сказал: «бедный я», но у самоубийц это не принято.

– Вы хотите жить?

– Очень, – признался Пончик на тридцать втором этаже. – Только это все равно бесполезно. Ничто в этом мире не зависит от наших пожеланий.

Наперерез самоубийцам с сиренным воем несясь перехватчик мышкетеров. Капитан мышкетеров, надсаживая голос, орал в репродуктор:

– Стойте! Вы нарушили воздушное пространство! Стоять смирно, руки за голову! Будем стрелять!

– Все кончено, – слабо шепнул Пончик и зажмурился. Они уже не могли остановиться. Незачем стрелять, господин капитан. Какие претензии? Самое обыкновенное дело. Подумав, упали двое и...

Тогда-то Филиппу и пригодилось его умение летать, в котором он никогда никому не признавался. Его тело потеряло свой вес; его понесло, как былинку, он воспарил вверх, затем его прибило к стене здания, которое издало при столкновении протяжный, мелодичный звон. Вспомнив о Пончике, он ринулся вниз и выудил его на третьем этаже. Оба мягко приземлились на красный асфальт, после чего Пончик открыл глаза – и зашатался. Филипп поддерживал его.

– Надо же, как удачно мы прыгнули с вами, – сказал он, придавая голосу беззаботность.

– Но почему... – в смятении пробормотал Пончик.

– Первый блин всегда комом. Хотите, попробуйте еще раз, а с меня хватит.

– С меня тоже, вы исцелили меня, – выдохнул Пончик, орошая слезами благодарности бесчувственный асфальт.

С того памятного дня они крепко подружились. Филипп помогал Пончику, как мог, и тот безропотно принимал его помощь. Правда, иногда Пончик позволял себе возмущаться опекой, которая ранила его самолюбие, и тот уступал. Истинная дружба не боится недоразумений; они только укрепляют ее – если, конечно, не разрушают окончательно. При всем уважении к Филиппу Пончик не скрывал, что считает утомительной жизнь в хрустальном доме, который постоянно что-то наигрывает, и не мог взять в толк, зачем его другу понадобилось связывать себя с Матильдой, по его мнению не представлявшей из себя ничего особенного. Впрочем, всем было известно, что Пончик начисто лишен практической жилки в том, что касается дел житейских, и Ромул с блестящими глазами растолковал ему, что наконец-то он «раскусил этого Филиппа» и что, несмотря на кажущуюся простоту, тот все-таки оказался малый не промах. Невезучий Пончик вечно умудрялся вступать в самые невероятные истории, и Филипп сгорал от желания узнать, что могло с ним случиться на этот раз.

– Это шуба, – с убитым видом объяснил Пончик. – Я не знаю, что с ней делать.

Филипп терпеливо ждал, что последует за этим заявлением, но гул реактивных двигателей приземляющегося аэромобиля на мгновение перекрыл шум в кафе. Двери распахнулись, и вошел Серж Сутягин. Вообще-то он не принадлежал к компании друзей; они считали его гномом и занудой и имели на то все основания. Почему-то, однако, он направился напрямик к ним.

– Привет всем! – прокричал он, изображая сердечность. – А, и Филипп здесь!

– Привет, – сказал Филипп, без всяких задних мыслей пожимая холодную сутягинскую руку. Бесцветные глаза Сутягина скользнули по его лицу. Гномон поморщился; ему показалось, что Филипп слишком сильно сжал его руку и, конечно же, сделал это нарочно. И без того плохое сутягинское настроение разом ухудшилось.

– Какая тачка! – восхитился Ромул. – Где угнал?

Среди друзей, когда кто-нибудь покупал новую машину, считалось хорошим тоном говорить, что он ее угнал.

– У Вуглускра, – небрежно обронил Сутягин. – Старик продал мне ее за примерную службу в просроченный кредит. – Он лгал; машина не принадлежала ему. На самом деле его просто назначили шофером – возить Матильду и ее подруг.

– Клянусь дохлым фламинго! – вскричал Гаргулья, любивший вычурные клятвы (особенно после третьего коктейля). – За это надо выпить. Говорят, Вуглускр страшный жмот.

– Редкой души человек, – учтиво вставил Сутягин и обернулся к бармену: – Мне «Плесь на вальсе», пожалуйста.

Все зашумели, поздравляя Сутягина; в редком поздравлении не было скрытой насмешки, но гномон принимал все за чистую монету. Опустив глаза, он почтительно расхваливал своего патрона и службу у него, по сравнению с которой потускнело бы и пребывание в раю. Гномоны всегда уважают вышестоящих и безропотное повиновение им почитают высшей добродетелью свободного человека. Эта рабская мораль пресмыкающегося корбила Филиппа, слишком чувствительного к тому, что противоречило его понятиям о человеческом достоинстве. Не дослушав, он обратился к Пончику.

– Так что с шубой? Кстати, я думал, что теперь лето.

– Теперь-то да, – ответил Пончик, отрывая взгляд от сутягинской машины, – но когда-нибудь будет зима. Обо всем надо думать заранее.

– Не надо, – сказал Филипп решительно.

Его светлые, хрустальной чистоты и глубины глаза затуманились. Он снова видел Ее; и видение было таким ярким, таким живым, что ему стоило труда отогнать его от себя.

– Мало ли что может случиться, – уклончиво добавил он.

– Вот и я о том же, – терпеливо пояснил Пончик, который, как всегда, истолковал его слова по-своему. – Поэтому я купил шубу из китайской собаки. Дешево, удобно и практично.

– В самом деле? – спросил Филипп, допивая свой коктейль.

Пончик ответил не сразу. Вид у него был удрученный.

– Так я думал. А она ЛАЕТ!

– Кто?

– Шуба.

– Ну, это нормально, она ведь из собаки, – успокаивающе заметил Филипп.

– И воет по ночам, – жалобно говорил Пончик, – когда я запираю ее в шкаф. Но это полбеды, что она лает, она еще и говорит.

– Говорит?

– По-китайски.

– Она же китайская, голова! – крикнул Гаргулья, вмешиваясь в разговор.

– И что она говорит? – любопытствовал Филипп.

– Дзи-во-дзёр, – простонал Пончик. – Сволоць пи-ли-кля-тая. – Филипп прыснул. – Знаешь, по-моему, она ругается на меня.

– По-моему, тоже, – согласился Филипп. – Я, правда, мало понимаю по-китайски, точнее говоря, не понимаю вообще. Попробуй покормить шубу мясом, может, она успокоится.

Пончик, выслушав его, впал в глубокую задумчивость. Ромул, вытащив карманный видеофон, стал названивать их приятелю Сильверу, но никто не отзывался.

– И куда он мог запропасться? – недоумевал Ромул.

– Я видел его вчера на дне нерождения, – вмешался Филипп.

– Хорошо погуляли?

– Спрашиваешь!

– Значит, ты женишься? Поздравляю.

– Еще рано, – сказал Филипп. Сутягин отвел глаза. Только теперь до него дошло, как люто он ненавидит Фазтона, и в этой ненависти он черпал болезненное упоение. Но Филипп, по-видимому, ни о чем не догадывался.

– Пончик все жалуется, – говорил Гаргулья. – Посмотрел бы ты на меня! Недавно я подрядился переводить книгу с древнефранцузского. «Сексопотам и гипотрахелион! Порокопытная история»! Звучит, а? Смотрите, он даже вздрогнул!

– Ничего подобного, – отрицал Пончик, заливаясь густейшей краской.

Гаргулья ударил ладонью по столу.

– Тройной «Лед и пламень»!

– Деньги вперед, – огрызнулся автомат, которому было не привыкать к выходкам клиентов.

– Я плачу, – вмешался Ромул. У него всегда водились в изобилии фальшивые бублики, которыми он частенько снабжал друзей. Он полез в карман, но так оттуда и не вылез. Пончик судорожно вцепился в Филиппа, глаза его расширились от ужаса. Друзья закоченели, и было от чего. Ибо перед ними предстал сам Сильвер Прюс собственной персоной, и персоне эта находилась в, мягко говоря, довольно-таки убогом состоянии.

– Сильвер, – начал Ромул, когда обрел дар речи, – кто же довел тебя до жизни такой?

– И не говорите! – взревел Сильвер, выплевывая клавиши. – Этот... этот... этот... у-у! – Он стряхнул с себя крышку рояля, из которой голова его торчала, точно из рамы, и принялся топтать. – Я... я... не знаю, что с ним сделаю! – Прюс оборвал водоросли, свисавшие с ушей. – Я подвергся нападению, – томно объяснил он в заключение, валясь на стул, но сейчас же соскочил с него и на четыре стороны раскланялся перед Филиппом, так что тому даже стало неловко. – Здоровья и счастья, Филиппчик! Как повезло парню, а? Ведь это прямо-таки везение из везений! Отхватить такой приз!

Сутягина передернуло, он резко повернулся и вышел. Закоренелый неудачник Пончик помрачнел и нырнул в свой коктейль. Филипп постучал по бокалу.

– А? – отозвался Пончик изнутри.

– Я хотел тебя спросить: ты ходил к Вуглускру?

Из бокала донесся вздох.

– Сильвер, ты не знаешь, что такое гипотрахелион? – кричал студент.

– И знать не хочу! – испугался Сильвер.

Глаза у него косили, соответственно правый на левую сторону, а левый на правую, так что оба они в совокупности были скошены к носу. Кроме того, они бегали и иногда убегали так далеко, что ему приходилось бросаться за ними в погоню. Несмотря на это, Сильвера считали весьма приятным человеком. Он работал на телевидении, в газетах и в Интернете, и редкое издание было лишено чести приютить на своих страницах его статьи, дававшие доходчивые ответы на те вопросы, которые невозможно даже толком сформулировать. К примеру, в чем смысл жизни, а в чем ее бессмыслица; зачем нужно министерство погоды, которая то и дело ведет себя как ей вздумается и не подчиняется никаким указам и приказам; почему другие города на планете отказываются признавать над собой власть Города. Помимо этого, Сильвер вел светскую хронику, давал советы, как изводить врагов и выводить прыщи, а также числился в оппозиции правительству, что само по себе снискало ему всеобщее уважение – глубокое, как море, и в котором он нередко тонул.

Итак, Сильвер закашлялся и вытянул из себя пару струн, после чего публично проклял того негодяя, который обрушил на него рояль.

– Кругом одни враги, – горько пожаловался он.

– И Дромадур говорит то же самое, – со смехом подхватил пьяный Гаргулья.

Сильвер поежился, и все почувствовали, что со стороны Гаргульи это слишком.

– Пончик, – тихо позвал Филипп.

– Я занят, – отозвался тот из глубины бокала.

Гаргулья вовремя спохватился, что ему пора идти на ночные занятия, опрокинул стопку опохмела и вполне пристойно попросил Филиппа пригласить его на свадьбу. Тот пообещал, что не забудет, но вид у него при этом почему-то был немного неуверенный. Ромул попытался расплатиться, но искушенный автомат даже не стал пробовать его бублики на зуб и сразу заявил, что они фальшивые. Рассерженному Лиходею пришлось платить по таксе, согласно которой один настоящий бублик равнялся двум ненастоящим. В итоге у него не хватило наличности, и, не вмешайся Филипп, проныра-автомат наверняка вызвал бы наряд

мышкетеров. Рассерженный Ромул отправился лепить новые бублики; Сильвер увязался за ним, и дорогой они толковали о том, как повезло Филиппу и как несправедлива эта дурацкая жизнь.

Сон восьмой

– Несправедлива, – твердил себе Сутягин, – несправедлива, несправедлива...

Он и сам не знал толком, что его так обидело – пресмыкательство Сильвера или дружеское расположение Филиппа, – но все чувства Сутягина, как лучшие, так и худшие, были оскорблены. Ненависть к Филиппу заполонила то, что в старых романах высокопарно именовалось бы сутягинской душой. Он был несчастен и чувствовал себя совершенно беспомощным.

– Проблемы? «Бюро добрых услуг» решит их все!

Сутягин вздрогнул. Бросил взгляд налево, направо, убедился, что все вокруг заняты своим делом и о нем, Сутягине, даже и не помышляют. Почему-то ему стало дьявольски одиноко – наверное, оттого, что он и впрямь был одинок.

– Служба милосердия, – продолжал все тот же неприятный голос. – Протяни руку ближнему в беде, и когда-нибудь он протянет руку тебе.

Голос был живой, гадкий и скрипучий, как скрипка Страдивари, когда на ней играет профессиональный барабанщик. Сутягину стало не по себе.

– Я не понимаю, – начал он в растерянности, говоря сам с собой, потому что все сколько-нибудь человеческие лица пребывали вне пределов досягаемости. Нищие приставали к прохожим, и те, как положено, подавали им дырки от бубликов. В конце улицы мышелютеры спецотряда особого назначения поливали из огнемета тощее деревце, каким-то чудом выросшее из старой, полуразвалившейся стены. Деревце оказалось вишней, и его ветви, охваченные огнем, красиво извивались в ослепительной агонии. Восхищенные мальчишки тыкали пальцами, показывая на поверженного врага.

– Посмотри вниз, – велел голос.

Сутягин уставился на свои ботинки (хромированные вороненой сталью, единый размер, водостойкие, жаропрочные, характер мягкий, засекают блондинку за три километра). Гномон чувствовал, что делает глупость, и не обманулся в своих ожиданиях. Он только что наступил на цементную жвачку.

– Да не сюда, сюда смотри! – сердился голос.

Сутягин повиновался. Приподняв решетку старинного водосточного колодца, на него смотрела чья-то голова.

– Это вы со мной разговариваете? – несмело начал Серж.

– Положим, я, – сказала голова. – Проблемы есть?

– А если есть? – смело спросил Сутягин, кое-как сдвинувшись с места (вместе с куском отличного железобетонного асфальта) и подходя к голове.

– Решим за сходную цену, – буркнула та, глядя на него исподлобья.

– Заплачу, сколько хотите, – обнадежил Серж. – Работа непыльная, но... деликатная.

– Залезай, – пригласила его голова, – потолкуем.

Что-то (наверное, его седьмое чувство) подсказало Сутягину, что здесь он действительно найдет решение своих проблем. Он спустился в колодец.

* * *

Ровно за 3 часа 16 минут 28 секунд до того, как Серж Сутягин поддался на обещание безымянной головы из бюро добрых услуг по сходной цене, изящная дамская сумочка из кожи мертиплюкского питона, извиваясь по-змеиному, подползла к молодому блондину, который мирно спал и видел тринадцатый сон. Досмотреть его, впрочем, молодой человек

не успел, потому что сумочка обвилась ремнем вокруг его шеи и сделала попытку прекратить всякий доступ кислорода в его грудь. Отчаянно кашляя, Мистраль (ибо это был именно он) пробудился и, чувствуя на своей шее тугую петлю, не долго думая схватил с ночного столика 26-й том «Покорителей Вселенной» собственного сочинения, после чего что есть силы приложил им по сумочке. Засвистев от боли, та разжала кольца и свалилась с постели. Мистраль поднялся, растирая шею.

– В чем дело? – недовольно спросила Ровена с другого конца кровати.

– Твоя сумка пыталась меня придушить! – сердито ответил Мистраль.

Ровена зевнула и перевернулась на другой бок.

– Наверное, ты ей просто не понравился, – сквозь очередной зевок предположила она. Сумка меж тем уже вернулась на кресло и, возмущенно шевеля кармашками, потирала ушибленный бок. – Который час?

– Не знаю, – отозвался Мистраль. – В десять мне надо быть у моего издателя.

Он поглядел на часы и увидел, что они показывают как раз десять. Делать было нечего: Мистраль подошел к часам и перевел стрелки таким образом, чтобы у него оставалось полтора часа в запасе. Теперь он был уверен, что не опоздает на встречу.

– И охота тебе заниматься этой глупостью? – с жалостью спросила Ровена. – Все пишешь зачем-то, бегаешь, суетишься... Зачем?

Не отвечая (иначе не хватило бы и полутора часов), Мистраль скрылся в ванной, чтобы побриться и привести себя в порядок. Когда он вышел оттуда, в голову ему полетела настольная лампа.

– Посмотри, что ты натворил! – с пылающими от гнева щеками прокричала Ровена.

Питонья сумка хныкала и показывала ободранный бок. Вокруг раны красовался внушительных размеров фиолетовый синяк, и Мистраль машинально вспомнил, что в 26-й части его эпопеи насчитывалось ровно 677 страниц.

– Извини, – только и мог проговорить он. – Я не хотел. Это все сумка...

Ровена заплакала. Плечи ее вздрагивали.

– Это была единственная сумка в городе! Эксклюзивный экземпляр, даже у Матильды нет такой! А ты... ты...

Мистраль подумал – но так как из его раздумий в любом случае не получилось ничего путного, их мы, пожалуй, не станем здесь приводить.

– Бедная моя, бедная, – причитала Ровена, обнимая обеими руками сумку, которая боялась даже шелохнуться. – У тебя просто нет сердца! Ты изверг, вот ты кто! Сумочный убийца!

Она умолкла и яростно воззрилась на Мистраля, чтобы увидеть, смогли ли ее слова хоть на мгновение поколебать равнодушное спокойствие этого человека. Сколько его знала Ровена, он всегда – или почти всегда – был вот так же невозмутим, хладнокровен и рассудителен. Она и презирала его за это, и чуточку побаивалась, потому что ее обычные выходки на него не действовали, точнее, действовали не так, как на других. Если Ровена уходила от него, Мистраль принимал это как должное; если возвращалась, обращал на это так же мало внимания, как на восход искусственного солнца. Он словно существовал в каком-то своем особенном мире, не таком, как у всех, и иногда у Ровены возникало впечатление, что все ее попытки достучаться до него абсолютно бесполезны. Вот и сейчас он стоял, засунув руки в карманы и глядя на нее своими непроницаемыми серо-зелеными глазами, и это сбивало ее с толку. Она не могла не признать себе, что Мистраль смотрит на нее точно так же, как он смотрел бы, к примеру, на стол или стул, и это задевало ее не на шутку.

– Ты будешь завтракать? – спросил Мистраль.

Ну и как прикажете ссориться с таким человеком? Ровена надулась.

– Нет, – ответила она с вызовом. Но Мистраль не принял вызова и уже ушел из спальни. Пришлось Ровене наспех набросить на себя одежду и последовать за ним. Питонья сумка неодобрительно забурчала ей что-то вслед.

Ровена нашла Мистралья в столовой, где из скатерти-самобранки (концерн Вуглускра, усовершенствованная модель версии 27.10.7) одно за другим выскакивали аппетитные блюда, в то время как мелодичный голос, льющийся откуда-то с потолка, перечислял ингредиенты, а также калорийность каждого кушанья и сулил хозяину этого жилища приятного аппетита. Ровена подумала, не похоже ли ее поведение на отступление, но, так и не придя ни к какому выводу, все же села за стол, – правда, слегка отодвинувшись от него.

– Тебя не было на дне рождения, – начала она, искоса следя за Мистралем.

– Чьим? – равнодушно спросил писатель.

– Матильды.

– А, да. – Ровена была почти уверена, что сейчас он скажет, что был занят работой, но Мистраль в очередной раз не оправдал ее ожиданий. – Я потерял приглашение.

– А позвонить мне не мог?

– Зачем?

Ровена подумала, не швырнуть ли в Мистралья еще чем-нибудь. Но сдержалась.

– Иногда мне кажется, что ты совсем меня не любишь, – пожаловалась она, беря с блюда персик. Мистраль пожал плечами.

– Ты меня тоже не любишь, – отозвался он. – По-моему, тебе не на что жаловаться.

У персика оказался вкус яблока. Ровена поморщилась.

– Чтобы любить такого, как ты, надо быть сумасшедшей, – с готовностью ответила она одной из роковых фраз из своего лексикона. Обычно мужчины не испытывали особого восторга, услышав ее, но Мистраль даже ухом не повел.

– Возьми лучше грушу, – посоветовал он. – Она действительно похожа на грушу.

У Ровены пропало настроение даже устраивать скандал.

– Ты невыносим, – с горечью промолвила она. – Просто невыносим. Это ужасно...

Сам Мистраль так не считал, но навязывать кому-либо свою точку зрения было не в его характере, и поэтому он просто промолчал. Что-то сдавленно хрюкнуло у ножки стола. Ровена опустила глаза и заметила свою питонью сумочку, которая, забыв об ушибе, поползла сюда и теперь умоляюще топоричилась, поглядывая на надкушенный персик в руке хозяйки. Преодолев внезапно нахлынувшее отвращение, Ровена швырнула его сумочке, и та заглотнула его молнией так жадно, что чуть не подавилась косточкой.

– И вообще, нам надо расстаться, – безжалостно продолжала Ровена. – Боровский предложил мне выйти за него замуж.

– Боровский? – переспросил Мистраль. – Это кто?

– У его отца 16 заводов, – ответила Ровена, скармливая прожорливой сумочке горсть вишен. – И собственная футбольная команда, хотя тебя это, конечно, не интересует.

– Ничего не имею против футбола, – отозвался Мистраль. – Кофе будешь?

– Не буду, у него наверняка окажется вкус чая, – отрезала Ровена. – Эта скатерть-самобранка – жуткая гадость. Как и все, что делает Вуглускр.

– Может быть, – равнодушно ответил Мистраль.

После этой фразы он замолчал, а сумка меж тем счавкала десяток желтых слив.

– Скажи что-нибудь, – наконец не выдержала Ровена. Мистраль взглянул на нее непонимающе.

– О чем? – спросил он.

– О Боровском. Ведь он хочет, чтобы я вышла за него замуж. Ну так как?

Она улыбалась. Мистраль отвел глаза. Он прекрасно помнил, что, по словам Ровены, все молодые люди из ее окружения (за исключением Филиппа) только и делали, что наперебой предлагали ей руку и сердце, – но, несмотря на это, Ровена до сих пор почему-то ни разу не побывала замужем.

– Ревнуешь? – спросила Ровена, как всегда истолковав его молчание в благоприятную для себя сторону.

– Не знаю, – честно ответил Мистраль. – Может быть.

Ровена поднялась с места.

– У нас будет самая роскошная свадьба, – пообещала она. – Лучше, чем у Матильды и Филиппа.

– А Филипп разве женится? – рассеянно спросил Мистраль. Ровена снисходительно усмехнулась.

– Нет, дорогой, ну на что это похоже... Конечно, женится. И я выхожу за Боровского. Но ты не беспокойся, – я обязательно пришлю тебе приглашение. Я даже распорядюсь, чтобы тебя пустили без приглашения, если ты вдруг снова его потеряешь.

Она взяла сумочку (питон наелся так, что теперь только тихо икал), поправила платье, холодно кивнула Мистралю и скрылась за дверью.

«Интересно, что я чувствую?» – подумал Мистраль. И не почувствовал ничего.

На всякий случай он посмотрел на часы и убедился, что в его распоряжении имеется еще пять минут. Про себя он обрадовался, что Ровена ушла от него без особого скандала, иначе он бы точно опоздал к издателю, а Мистраль вовсе не хотел этого. Оставшиеся пять минут он употребил на то, чтобы отдать приказание скатерти убрать все со стола, а также на подыскивание синонимов к слову «пумперникель». Подобрал 16 синонимов (включая те, что водились в марсианском диалекте), Мистраль точно в срок покинул квартиру и ровно за одну минуту до назначенного времени был уже в здании издательства. Если фраза о том, что точность – вежливость королей, соответствует действительности, то Мистраль был не то что королем, а как минимум императором. Он никогда никуда не опаздывал, даже когда впереди его не ждало ничего хорошего, а вот его друзей, которые в массе своей привыкли являться на несколько часов позже на любую встречу, которая была им назначена, пунктуальность писателя повергала в тоску.

Мистраль вошел в разъехавшиеся двери, миновал фонтан с разноцветными струями, в котором резвились позолоченные, серебряные и платиновые рыбки, и оказался возле стойки охраны, за которой скучал трехглавый пес в синей униформе.

– Добрый день, – вежливо сказал Мистраль.

– Добрый, – согласился Цербер. Некоторые считали присутствие этого мрачноватого стража излишним, но они забывали, что в Городе проживало не меньше 35 миллионов человек, причем при 20-часовой рабочей неделе у них оставалась прорва свободного времени. Если нормальные люди тратили ее на выпивку, Интернет, дискотеки, кафе и прочие развлечения, то менее сознательные граждане предпочитали сочинять всякую галиматью, которую они неизменно посылали сюда, в это огромное здание, выстроенное в виде спирали, с полупрозрачными стенами. Самые же несознательные еще и приезжали лично, чтобы потребовать у издателя ответа, отчего он не принял к публикации творения, вышедшие из глубин их души. Для того чтобы обезопасить себя от наиболее рьяных авторов, издатель и обзавелся охраной, наводящей страх даже на самых отъявленных графоманов. Даже Мистраль, при всем его невозмутимом характере, и то старался как можно быстрее миновать стойку, за которой сидел трехглавый пес.

– Мне назначено, – сказал писатель.

– Проходите, – милостиво разрешил Цербер. Мистраль двинулся дальше, а страж занялся маленьким тщедушным чистильщиком ковров, который нес на плече свернутый в трубку гигантский палас. Писатель был уже у лифта, когда сзади донесся яростный лай и крики ужаса. Вздвогнув, Мистраль обернулся, но чистильщика ковров уже след простыл. Цербер утер слюну, свисавшую сталактитом из одной пасти, и раздраженно пнул палас рыжей лапой. Оттуда вывалилась пачка листов – распечатка какого-то текста, буквы на котором при виде стража съежились и побледнели от ужаса.

– Ни дня покоя! – проворчала вторая пасть, в то время как третья с хрустом пожирала творение неизвестного автора, решившего проникнуть сюда под видом чистильщика ковров. Но тут подошел лифт, чья шахта была расположена точно по центру спирали здания, и Мистраль с невольным облегчением шагнул туда. Дверцы сомкнулись, витки спирали потекли вниз, затем остановились, и Мистраль вышел. Коридор встретил его нежной, ровной прохладой. Писатель прошел через приемную и наконец оказался в кабинете издателя, который работал сразу на четырех компьютерах пятью руками. Шестая держала перед собой видеофон.

– Скандал – это, конечно, хорошо, только надо как следует продумать детали. Какой попало скандал не подойдет, особенно сейчас, когда тиражи у него падают. Что? Да! Нет! Подумайте хорошенько и перезвоните позже!

Он отключился и швырнул видеофон на стол, после чего вытер пот со лба и милостиво кивнул Мистралю.

– Не понимаю я этих читателей, – пожаловался издатель. Теперь он работал на компьютерах всеми шестью руками, удаляя файлы, правя, вычеркивая и просматривая тексты с умопомрачительной скоростью. – Раньше прямо-таки сметали его книги с прилавков, а теперь даже экранизация с Орландо Оливье в главной роли не подняла на них спроса. Как ваши дела?

– Плохо, – признался Мистраль.

– Плохо? – прищурился издатель. – А вы уверены, что они должны быть хорошо?

– Не знаю, – сказал Мистраль. – Мне все надоело.

Издатель вздохнул. Он испытывал к Мистралю симпатию – совершенно, впрочем, необъяснимую, потому что Мистраль был не самым популярным автором и его книги приносили ровно столько дохода, чтобы не вводить в убыток.

– Значит, все, да? – спросил издатель. – А конкретнее можно?

– Пожалуйста, – согласился Мистраль. – Надоела суета, которая выдается за смысл жизни, надоели пошлые, бездарные ценности, которые навязываются всеми подряд и без которых никто уже не мыслит своего существования. Надоели жалкие потуги рекламы, жвачные сериалы, бездушные гляцевые журналы, фальшивые улыбки, которые ничего не значат. Надоело, что о самом важном не модно говорить, а модно быть преуспевающим тупицей и кичиться этим. Надоели лживые женщины, надоели неискренние мужчины, унылые штампованные будни, натужно веселые праздники. Надоела убогая мораль, что важны только деньги и секс, а все остальное – ум, душа, талант – не ставится и в грош. Надоело быть зависимым, надоело смиряться, надоело казаться таким, как все, надоело отличаться от всех. Надоели злость, лицемерие, тупость, ограниченность, надоело отсутствие воздуха, ярких идей, талантливых людей, того, чем можно восхищаться без всяких оговорок. Надоело...

– Отличный пассаж для будущей книги, – рассеянно промолвил издатель, слушавший посетителя вполуха, – он опять включился в работу и терзал четыре клавиатуры вдвое чаще прежнего.

Мистраль поморщился.

– Словом, я устал. Я не вижу смысла, не вижу цели ни в чем и ни для кого. Я знаю все наперед, вот что самое скверное. И мне скучно от этого, настолько скучно, что я начинаю презирать себя и других, хотя они, может быть, вовсе не заслужили этого.

– Ужас какой, – сказал издатель.

– Наверное, – отозвался Мистраль. – Я чувствую, что не могу растрачивать свою жизнь на все это – фальшь, лицемерие, бесхитростные развлечения, таблетки забвения. Но ведь, кроме этого, ничего и не осталось. Даже книги уже не спасают меня.

– Я понял, – сказал издатель. – Вас бросила девушка, и из-за этого вы в отчаянии.

– Нет, – сказал Мистраль. – Она все время меня бросает, чтобы потом вернуться. Я уже привык. Но вы не понимаете. Нет ничего – ни дружбы, ни любви, ни радости творчества, ничего. Есть только полое существование, которое пытаются заполнить призраками радостей и никому не нужной работой и убеждают себя, что вот это и есть настоящая жизнь. А я так не могу. И я не знаю, что мне делать дальше.

Издатель вздохнул и, на миг оторвавшись от одного из компьютеров, почесал пальцем висок.

– Кажется, я знаю, что вам делать дальше, – сказал он.

– В самом деле? – с сомнением спросил Мистраль.

– Писать 27-ю часть «Покорителей Вселенной», – ответил издатель. – Вот именно. 26-я часть пошла очень даже неплохо, так что читатель ждет продолжения.

– Я не могу, – простонал Мистраль. – Меня тошнит от этих проклятых покорителей, которые убивают всех подряд и сражаются с цветами-мутантами, которые хотят уничтожить человечество. Я в жизни не видел ни одного цветка, почему я должен до скончания веков писать о том, чего совершенно не знаю?

– Хм, – отозвался издатель. – Смею вас заверить, дорогой Мистраль, что, если бы люди писали только о том, что они знают или видели, вся литература приказала бы долго жить.

– Литература? – Мистраль пожал плечами. – Простите, но я больше не верю и в литературу тоже. Я прочитал все бестселлеры, которые вышли за последние четверть века. Ни в одном из них нет и следа литературы.

– Давайте не будем смешивать понятия, – предостерегающе сказал издатель. – Дорогой Мистраль, от бестселлера вовсе не требуется, чтобы он был литературой. Бестселлер должен хорошо продаваться, только и всего. Это чисто коммерческое определение, заметьте. Именно бестселлеры, которые все ругают, дают издателю некоторую свободу маневра и позволяют ему предложить читателю книги, которые не пользуются широким спросом и не представляют для коммерции никакого интереса. Сам по себе бестселлер – лишь показатель того, что вы имеете успех, но помимо этого он абсолютно ничего не значит. И, кстати, из этого вовсе не следует, что если ваши книги не покупают, вы гений. Точно так же из этого не следует, что ваша книга плоха, если ее купил миллион человек. И вообще, честно говоря, в успехе нет ничего постыдного.

– Смотря какими средствами он заработан, – возразил Мистраль.

Издатель улыбнулся:

– Говорят, некоторые цели оправдывают многие средства. Вы так не думаете? Взять хотя бы вас – чего ради вы сделали писателем?

– У меня было слишком много иллюзий, – ответил Мистраль уклончиво. – Талант, предназначение и всякое такое. А вместо этого я безнадежно завяз в этих покорителях. И наверное, уже никогда не выберусь оттуда.

– Нет, ваша девушка все же слишком жестоко с вами обошлась, – вздохнул издатель, качая головой. – Так когда мне ждать от вас 27-ю часть?

– Я не знаю, – мрачно отозвался Мистраль. Разговор с издателем начал его утомлять.

– Скажем, через две недели. Годится?

– Но я не...

– Пожалуй, я даже выдам вам аванс по такому случаю, – не слушая его, продолжал издатель. – 27-й том, как-никак... – Он нажал на кнопку, вызывая секретаршу. – Офелия! Несите договор.

Сон девятый

Весь следующий день Филипп не находил себе места. Изумленный Лаэрт не узнавал хозяина: прежде равнодушный к одежде, тот перерыл всю гардеробную, долго стоял перед зеркалом и не перезвонил Матильде, приглашавшей его на вечер к Вуглускру. В половину шестого, когда до назначенного времени оставалось ровно полтора часа (ибо все часы в Городе шли не вперед, а назад), Филипп решил, что никуда не пойдет. Он хотел вызвать Матильду по видеофону, чтобы сообщить ей, что едет, но отменил вызов.

Филиппу было в чем себя упрекнуть. В свете его отношений с Матильдой вчерашнее приключение предстало перед ним совсем в другом свете. Матильда любила его, и он любил ее; по крайней мере, так было до встречи с девушкой в белом. До, но после... Душа Филиппа разрывалась. Ни за что на свете он не хотел причинить боль любимой; но время шло, а его беспокойство все возрастало. В пять часов, не выдержав, он пошел одеваться.

«В конце концов, мы только встретимся. Нехорошо оставлять ее одну после того, как я сам добивался этого свидания. Я не могу так поступить».

Лаэрт, надувшись, летал по комнате, выслеживая спрятавшиеся мыльные пузыри.

– Хоть бы ты женился скорее или роман написал, что ли? – пожаловался он двери, сочувственно ему внимавшей. – А то тоска одна...

Наконец Филипп вышел и моментально смог убедиться в производимом эффекте. Сначала Лаэрт всплеснул лапами, затем взвился под потолок, отлетел к стене и, толкнув полку, с сухим треском разбил пять или шесть фарфоровых финтифлюшек – подарок приятеля, жившего возле Урана. Филипп хотел выглядеть как можно хуже; он бы добился своего, если бы дело было только в одежде, – потому что одежда всего лишь оболочка для тела, как тело – оболочка для души. Глаза его блестели сухо и лихорадочно.

– Ну как? – спросил он у вампира с горькой усмешкой.

– Можно узнать, – только и смог выговорить ошалевший Лаэрт, – можно узнать, хозяин, к чему вообще такие военные приготовления?

– Я иду на свидание.

Лаэрт застонал и отвернулся.

– И для этого обязательно выражаться, как гномон? Подумать только, до чего ты дожил, бедный Лаэрт! – запричитал он, заливаясь слезами. – С твоим вкусом, с твоим талантом, с твоим вампирским стажем, наконец! О-о! Хозяин, вы еще хуже, чем этот самодур Дромадёр, на которого я даже по телевизору смотреть не могу.

Филипп не обиделся; он швырнул в Лаэрта полное собрание сочинений Дюма (в одном томе). Лаэрт увернулся, ввинтившись в электрическую розетку, и получил удар током. Розетка взорвалась, и Лаэрта выбросило на обломки стены.

– Так, – сказал он, с трудом подымаясь, – все ясно. Я пошел отлеживаться в морозилку, приводить себя в порядок, и вообще.

Хромая, он проковылял по воздуху и сгинул. Его хозяин отправился обратно в гардеробную, где превратился в себя самого.

– Сколько времени? – задал он часам вопрос, которого не задавал уже давно.

– Шестнадцать двадцать четыре, – пискнули часы.

– Спасибо, – сказал Филипп.

По привычке он задержался перед зеркалом. Он не хотел беседовать с ним; но, к его удивлению, темная гладь прояснилась. Филипп сделал шаг к двери. Совесть его была не совсем чиста; но выслушивать об этом от других он не желал.

– Филипп... – позвал его зазеркальный голос.

– Я спешу, – сказал он.

Зеркало вздохнуло.

– Ты совершаешь ошибку, – печально сказала оно.

Может быть, Филипп думал то же самое, но то, что зеркало знало его мысли, неприятно поразило его.

– Почему? – нетерпеливо спросил он. Зеркало молчало.

– А, да ну тебя! – отмахнулся он. Он был уже в лифте, когда до него донеслись прощальные слова зеркала:

– Береги себя...

«Четыре пятнадцать – нет, шестнадцать... Я успею – нет, не успею. Как тебя зовут? Скажи мне, как тебя зовут, и я скажу... Но Матильда, Матильда! Нет, не стоит думать о ней СЕЙЧАС».

Филипп спешил со всех ног, за спиной у него словно выросли крылья. Он догонял время, и время обретало черты незнакомки; большие, широко раскрытые глаза притягивали его, как наваждение. «Я просто увижу ее. Ничего особенного. Может быть, она неумна или у нее какой-нибудь недостаток, о котором я еще не знаю. Подлец, – выругал он себя вслух. – Не будем лгать себе: меня тянет к ней... и это мучительно. Я должен думать о Матильде. Наверное, она будет скучать на этом дурацком вечере. Ты любишь Матильду, Филипп. Да... я люблю ее, а эта девушка – просто увлечение. Такое бывает. Просто увлечение, – что тут такого страшного?» Но почему-то ему не хотелось думать о Ней как об увлечении. Запыхавшись, он перешел на шаг; сердце бешено колотилось у него в груди. «Надо было взять истребитель, но этот компьютер с его сальными шуточками действует мне на нервы. Машины перенимают у людей их худшие черты. Неважно – какое мне дело до машин, в конце концов? Главное – увидеться с Ней, увидеть ее, а потом...»

Потом ему пришло в голову, что она может и не появиться, но по зрелому рассуждению Филипп отказался от этой мысли. Девушка дала ему понять, что не хочет приходить, значит, она будет непременно, разве что опоздает, чтобы немножко его проучить.

«А может быть, и не придет... Нет, этого не может быть».

Филипп давно уже не глядел по сторонам, и неудивительно, что на перекрестке улиц Войны и Славы он с размаху врезался во что-то твердое. Поначалу молодой человек решил, что это фонарный столб, который позабыли снести, однако, когда столб взял его за шиворот и вздернул в воздух, Филипп понял, что случайно толкнул человека. Извиваясь в могучей лапце, он извернулся, чтобы посмотреть в лицо своему врагу. Лучше бы он этого не делал. В глазах у юноши потемнело.

– Вы меня ушибли, – печально сказал великан.

«Так вот почему мое зеркало было против», – подумалось Филиппу. Как всегда, его верный советчик оказался прав. Не стоило выходить из дому, чтобы нарваться на такое. Такое. ТАКОЕ! Ибо вид великана говорил сам за себя, причем до того красноречиво, что всякие комментарии оказывались ненужными.

У незнакомца не было лица, а то, что у других людей плохо ли, хорошо ли сходит за лицо, у него было неудачным набором разрозненных черт – искривленных, ломаных, чиненных, разбитых и снова собранных вместе. Белая гладкая кожа туго обтягивала неправдоподобно круглые скулы, шестью шесть раз восстановленный нос и упрямый подбородок. Из-под треугольных век вытекал пристальный взгляд, тяжелый, как рука незнакомца. Рот был маленький, с суровыми складками. Если человек говорил, он цедил слова сквозь зубы, с растяжкой, и при этом еще гнусавил.

– Изви... ните, – прошептал Филипп. Человек без лица прихватил его еще крепче.

– Извинить? – задумчиво переспросил незнакомец, но так, что юноша невольно затрепетал.

– Я спешу, – сказал он, барахтаясь в воздухе и отчаянно пытаюсь вырваться из железной руки незнакомца. Все его попытки ни к чему не привели; свой дырокол он опрометчиво оставил дома, отправляясь на свидание, и был теперь совершенно беззащитен.

– Ну и что мы с тобой теперь будем делать, а? – процедил Человек без лица тоном, не оставляющим никаких сомнений в том, что все преступления мировой истории потускнеют перед деянием, которое он намерен совершить.

– Не надо со мной ничего делать, – попросил молодой человек вполне искренне. – У меня свидание в четыре, – добавил он – не в оправдание, а единственно точности ради.

Тут он едва не упал, неожиданно почувствовав тротуар под ногами. Человек без лица отпустил его, и, к своему удивлению, Филипп увидел, что он почти одного с ним роста, что глаза у него кроткие и печальные, хотя бицепсам его позавидовал бы любой мышкетер любой службы. Он никогда не улыбался, и Филипп мысленно прозвал его не только Человеком без лица, но и Человеком без улыбки.

– Поспеши, не то опоздаешь, – сказал Человек без лица.

Все, что он говорил, было лишено какой бы то ни было интонации; и, несмотря на это, юноша послушался его. Станный незнакомец вызывал у него любопытство и невольное уважение, но покамест Филипп решил отложить их до другого раза.

Когда он проходил под огромным экраном, тот показал четыре часа и одну минуту. Вот и улица, по которой она шла. Филипп почувствовал, как загорелись его щеки: в этом месте они впервые заговорили друг с другом. Молодой человек отдал бы все, чтобы пережить это мгновение вновь.

«Или нет, – спохватился он, – не все, а только половину... а вторую половину за то, чтобы видеть ее СЕЙЧАС».

Однако он не видел ее; точнее, все, что он видел, была не она. Время шло, ползло, летело, бежало. Бледное искусственное солнце плыло по небу – по общему мнению, оно светило гораздо лучше настоящего, которое резало глаза нестерпимым светом; настоящая же причина восхищения заключалась в том, что это солнце было запущено совсем недавно, в начале правления Дромадура. Этот последний снова выступал по телевидению, и ветер доносил до Филиппа обрывки слов:

– Борьба с цветами – задача первостепенной важности... Первый этап войны... Мы тесним врага, не давая ему передышки...

«Я ненавижу эту улицу», – решил Филипп через пять минут.

Он уже знал, что Она услышала его малодушные мольбы и не придет, потому что он сам так захотел. Однако он ждал – с упорством отчаявшегося. Прошло еще две минуты.

«Она не придет... так пусть будет дождь. Плачь, небо!»

Тяжелые тучи заволокли солнце. Хлынул ливень. Филипп сознавал, что это нелепо, но не мог ничего с собой поделать. Ему самому хотелось плакать.

«Я сам виноват... Даже не спросил, как ее зовут. Конечно, она обиделась... Наверное, я был груб с ней, напрашивался на знакомство. Поделом мне!»

Филипп запрокинул лицо и подставил его под дождь. Холодные струйки змеились по коже. Молодой человек закрыл глаза и, раскинув руки, вдохнул полной грудью. Дождь обложил его стеной, как водопад, и за ним медленно стали вырисовываться очертания тонкой фигурки в белом платье. Филипп некоторое время всматривался в нее. Странная улыбка тронула его губы, исказила их: разве не был он властелином этого мира, разве не был он властен населять его своими иллюзиями? Он уже знал, что Она не придет, и мысленно приказал видению исчезнуть.

Видение не исчезало. Оно смутно угадывалось за стеной дождя, и Филиппу показалось, что оно стоит босиком и держит в руке туфельки – хрустальные туфельки Золушки,

ускользнувшей с бала. Подчиняясь невысказанной просьбе Филиппа, дождь стал тише, тише, тише...

«Ты ли это?»

«Я».

Она повела плечом и застенчиво улыбнулась. И улыбка зажглась в кончиках ее ресниц, спустилась к губам и ушла в другое сердце. И Филипп, не удержавшись, протянул к ней руки.

Сон десятый

Секундная стрелка разогналась и побежала по циферблату, но сделала это так неловко, что незадолго до половинного деления споткнулась и запрыгала на месте. Остальные стрелки рассмеялись и стали гримасничать, передразнивая секундную. Им никогда не нравилась ее торопливость, и вообще они были особы чинные, здорово себе на уме и обо всем любили иметь свое мнение.

– Тише вы! – одернул их Мистраль. – Я работаю.

Стрелки присмирели, а секундная послушно побрела по кругу, прихрамывая на каждом шаге. Мистраль попытался сосредоточиться, для чего поглядел на потолок, на город за окном и затем на книжный шкаф у стены, битком набитый толковыми и бестолковыми словарями. Толку от этого, прямо скажем, не вышло никакого – Мистраль по-прежнему не знал, о чем ему писать в 27-м романе своей эпопеи, которая надоела ему уже после третьего тома. А между тем по договору он был обязан представить готовый текст уже через две недели.

– Погадай мне, – попросил он компьютер после того, как секундная стрелка, высунув язык, промчалась по кругу около сорока раз. Хотя Мистраль не был суеверен и не верил в предсказания будущего, он постоянно обращался к последним, – скорее всего, для того, чтобы убедиться, что его неверие не лишено оснований.

– Вас приветствует универсальная гадалка «Пифия» версии девять-три-четыре, – прозвенел нежный голос из динамиков. – Нажмите любую клавишу.

Мистраль, не глядя, ткнул в «Ы». Вся его жизнь в последнее время походила на эту нелепую букву.

– Терпенье и труд
Все перетрут,
Но прежде всего —
Тебя самого,

– объявила программа.

Мистраль нахохлился.

– Ну и что все это значит? – проворчал он.

– Понятия не имею, – отозвалась пифия. – Но звучит интригующе.

– Я бы так не сказал, – возразил Мистраль. – Может, погадаешь мне еще раз?

На этот раз вышло, что можно плюнуть в колодец, если знаешь наверняка, что он отравлен, и горячо рекомендуется срубить сук, на котором сидишь, если внизу тебя ждут мягкая перина и клад из полновесных бубликов.

– Довольно глупостей, – сказал на это Мистраль и выключил компьютер.

Он выдвинул ящик стола и вытащил оттуда небольшую коробочку. Сегодня она была размером чуть менее карточной колоды, и Мистраль нахмурился. Он точно помнил, что еще на прошлой неделе коробочка была больше.

«А впрочем, все это неважно», – подумал он, встряхнул коробочку и опрокинул ее содержимое на чистый лист.

Это была стандартная волшебная коробочка, которая имеется в наличии у любого мало-мальски приличного писателя. Внутри коробочки находятся буквы, цифры, знаки препинания и прочие мелочи, необходимые ее владельцу для спокойной работы. Сама коробочка будто бы ведет свое происхождение от черепной коробки писателя, который ею обладает, но также возможно, что ее изготавливают конвейерным методом на одном из многочисленных предприятий Вуглускра. Известно, что у некоторых волшебная коробочка размерами не пре-

восходит чайную ложку, а у других вмещает в себя чуть ли не целый мир. Со временем коробочка может расширяться, а может, наоборот, и уменьшаться – в зависимости от таланта, который остается у ее хозяина. Известно, что с помощью коробочки очень легко сочинять книги – для этого достаточно как следует потрясти ее и вывалить содержимое на чистый лист, после чего обыкновенно образуется более или менее связный текст. Менее связный именуется бредом сивого графомана и является непригодным ни для каких цивилизованных целей; более связный после правки и вычитки попадает к издателям и вознаграждается соответственно положению и заслугам автора. Что касается Мистралья, то его затрепанная коробочка имела такой вид, словно ею слишком часто пользовались прежде; и впрямь, судя по всему, 26 томов вселенской эпопеи не пошли ей впрок.

Зевая и охая, черные буквы расплзлись по бумаге. Они были старые, стертые, а некоторые так совсем калеки, так что при взгляде на них просто жалость брала. Буква «ц» где-то потеряла свой хвостик, «л» горбилась так сильно, что стала походить на «м», «а» была совсем скукоженная, «п» еле-еле передвигалась на костылях из двух вопросительных знаков.

– Что вам угодно, о повелитель? – пропищала буква «р».

– «Покорители Вселенной», – ответил Мистраль. – 27-й том.

Буквы застонали, зароптали и заохали.

– Надоело! – проблеяла буква «у». Она легла поперек листа, поджала под себя хвост и свернулась калачиком.

– Это невыносимо! – поддержала ее буква «н».

– Что касается меня, – фальцетом заверещала буква «ф», – то я больше не могу! Если я еще раз услышу о покорителях, меня стошнит!

Буква «х» хихикнула.

– Я все понимаю, друзья мои, – смиренно сказал Мистраль. – Но мне нужны деньги.

– Опять? – сурово спросила буква «н». – Это нечестно. Когда-то мы и впрямь думали, что мы – твои друзья. А ты только и делаешь, что продаешь нас.

– Причем задешево! – взвизгнула «ф», отличавшаяся на редкость склочным характером; впрочем, она и по форме похожа на базарную бабу, которая уперлась руками в бока и изготовилась кого-то обляять. – Я так не согласна!

– Последний том, – умоляюще шепнул Мистраль. – Пожалуйста. Я даже разрешу вам убить главного героя.

– Мы уже четыре раза убивали его прежде, – пропищала буква «р». – И всякий раз по просьбам читателей нам приходилось его воскрешать.

Буква «у» уже храпела вовсю.

– Знаю, я виноват перед вами, – сказал Мистраль. – Я плохой писатель.

– Мы этого не говорили, – проворчала буква «а».

– Бывает и хуже, – поддержала ее буква «и».

– Я вовсе не это имела в виду, – раздраженно оборвала ее буква «а». – Раньше мы верили тебе. Ты подавал такие надежды...

– Я до сих пор их подаю, – заметил Мистраль.

– А теперь, – не слушая его, продолжала буква «а», – ты стал одним из сотен писателей, которых даже не помнят по имени, потому что их книги до отвращения похожи на тысячи других книг. И в том, что ты пишешь, нет тебя, есть только набор ремесленных, штампованных, никчемных...

Видеофон заверещал так, словно его резали.

Мистраль дернул щекой и нажал на кнопку, чувствуя в душе облегчение оттого, что может без ущерба для себя прервать этот бессмысленный, ненужный и в высшей степени неприятный разговор.

– Да!

На экране появилась улыбающаяся рожа Сильвера Прюса, которая от слепящего света софитов приобрела зеленоватый оттенок. Позади него отчетливо были видны скучающие лица гостей телестудии.

– Итак, друзья, – проверещал Сильвер в микрофон, – нам удалось дозвониться до знаменитого писателя Мистраль! Ну, положим, не знаменитого, но все же писателя! – тут же поправился журналист. Гости встретили это замечание вялыми аплодисментами. – Я надеюсь, мы не оторвали вас от работы? – с фальшивой тревогой в голосе осведомился Сильвер.

– Нет, я думаю, – честно ответил Мистраль.

Сильвер понимающе хихикнул:

– Итак, дорогой Мистраль! Коль скоро в нашей передаче зашел разговор о том, как сочиняются романы, мы решили обратиться за ответом к знатоку вопроса! Что именно вы, профессиональный писатель, можете нам сообщить по этому поводу?

Мистраль вздохнул и потер переносицу. На этот вопрос он прежде отвечал уже 116 раз, так что и в 117-й не должно было возникнуть никаких затруднений.

– Есть три основных способа сочинять романы, – сказал он.

Сильвер попытался сделать умное лицо, и надо признать, что это ему почти удалось.

– Способ номер один. Вы пишете первую фразу, затем прибавляете к ней еще 10 тысяч фраз, и роман готов.

Невидимый Мистралью человек за камерой подал знак, и жидкие аплодисменты вновь попытались сотрясти стены студии.

– Способ номер два. Вы пишете сразу 20 тысяч фраз, затем вычеркиваете ровно половину, и вновь – ваш роман готов. Этот способ более всего подходит творческим натурам, жаждущим совершенства, – пояснил писатель.

– Как оригинально! – вскричал Сильвер, нет-нет да поглядывая на скрытые часы, которые отмеряли секунды, оставшиеся до рекламы.

– И наконец, способ номер три, – сказал Мистраль. – Вы сочиняете десять страниц, потом еще десять, после чего еще десять и так далее, пока не дойдете до объема романа. После этого вы пишете «конец», и ваш роман готов.

– Восхитительно! Поразительно! Великолепно! – вскричал Сильвер Прюс. – Огромное спасибо за эту бесценную консультацию! Дорогие друзья, мы вернемся к вам после рекламной паузы! Это передача «Мысли коромыслом», а ровно через пять минут вы узнаете, какие блинчики предпочитает знаменитая поп-певица Малибран! Не пропустите! Суперсенсация! Прямо в студии, на ваших глазах...

Мистраль выключил видеофон.

– Хочешь мне что-то сказать? – спросил он у точки, которая безмолвно таранилась на него с чистого листа.

– Нет, – ответила она. И, прокашлявшись, прибавила: – Я думаю, ты и так уже дошел до точки. Извини.

– То есть вы мне не поможете? – с горечью спросил Мистраль.

– Ты хочешь, чтобы мы помогли тебе окончательно погубить себя? – вмешался вопросительный знак. – Посмотри на нашу коробочку, день ото дня она становится все меньше и меньше. Ты же знаешь, что это значит! Вскоре она, а вместе с ней и мы исчезнем окончательно. И тогда – тогда ты не сможешь написать ни единой строчки.

– Довольно, – сказал Мистраль. – Справлюсь и без вас. Полежайте обратно!

– Но, повелитель...

– Обратно, я сказал!

Кряхтя и ругаясь, буквы полезли обратно в волшебную коробочку. Мистраль захлопнул ее, сунул в ящик стола и с грохотом задвинул его, после чего включил компьютер и написал

первую фразу. Секундная стрелка поглядела на него и вздохнула так шумно, что минутная чуть не слетела с циферблата.

Прошел час. Мистраль по-прежнему сидел за компьютером. Он чувствовал себя глубоко несчастным, и для этого у него имелись все основания. Он перепробовал 45 вариантов первой фразы, но дальше этого дело не шло. Вконец отчаявшись, он вновь полез в ящик стола и обнаружил, что волшебная коробочка за это время успела съежиться до размеров грецкого ореха. Тут Мистраль охватила злость, и он едва удержался от того, чтобы не швырнуть со всего маху коробочку о стену.

«Нет, сегодня у меня ничего не получится. Может быть, завтра...»

Он подумал, не позвонить ли Филиппу, с которым они не виделись больше месяца, но по зрелому размышлению отказался от этой идеи. Они с Филиппом уже давно отделились друг от друга, и вряд ли звонок мог что-то изменить. Однако на месте Мистралью не сиделось. Тоска и одиночество глодали его.

«Пойду пройдуся до „Разбитого корыта“... Может быть, тогда мне станет легче».

Когда Мистраль вышел из дома, внезапно хлынул дождь. Писатель вновь разозлился, но вскоре его злость несколько поостыла, чему немало способствовала холодная температура окружающей среды. Подняв воротник, он двинулся куда глаза глядят, но тоска следовала за ним по пятам, не отступая, и ее невидимая тень бежала сбоку, преданно заглядывая ему в глаза.

«Что же делать? Вновь „Покорители Вселенной“, нескончаемые тома безнадежной чепухи? Или отказаться, уйти, расторгнуть договор? И на что я тогда буду жить?»

Он стал припоминать все хорошие, настоящие книги, которые мог бы написать – но не написал по той простой причине, что ему пришлось создавать этот ширпотреб, пользующийся успехом у читателей. Потом он вспомнил процветающих самодовольных коллег по перу, фильмы, снятые не по его книгам, роскошные автомобили, на которых он ни разу в жизни не ездил, моря, на берегах которых ему так и не довелось побывать. Душа его пропиталась желчью, но он вспоминал и вспоминал все, чем его обделила судьба. Когда на углу Тупиковой улицы и Перелетного проезда он невзначай увидел в витрине свое отражение, оно шарахнулось от него и даже, кажется, покрутило пальцем у виска. По противоположному тротуару шел ветер, пиная консервную банку, но, заметив Мистралья, моментально дунул прочь – так быстро, что по пути завязал узлом фонарный столб.

«Даже ветру тошно со мной», – с горечью подумал Мистраль.

Он столкнулся с какой-то девушкой в белом и поспешно извинился. Девушка улыбнулась и, спросив, который час, проследовала дальше, а Мистраль почувствовал себя одиноким, как никогда. Кроме того, он продрог до костей, а дождь меж тем перешел в настоящий ливень.

«Простужусь и умру, – обреченно подумал Мистраль. – И никто, ни один человек, не вспомнит обо мне».

Отражение в витрине проводило его внимательным взглядом, пожало плечами и всю принялось флиртовать с отражением блондинки в мехах из соболиного птеродактиля, которое тоже попало в витрину. Ливень, похоже, не собирался униматься, и Мистраль, недолго думая, завернул в какую-то лавку, чтобы переждать непогоду. Прежде он, правда, не замечал ее на этой улице, но об этом он вспомнил уже после того, как вошел.

– Что вам угодно? – промурлыкал над стойкой чей-то бархатный голос.

Мистраль поднял глаза, и все текущие невзгоды разом вылетели у него из головы.

Сон одиннадцатый

Снаружи по-прежнему лил дождь; Филипп был так счастлив, что забыл пожелать, чтобы установилась хорошая погода. Рука девушки лежала в его руке, и там, на улице, он сказал ей:

– Вы промокнете...

– Я не боюсь дождя, – ответила она, и улыбка мелькнула в ее глазах.

Филипп, однако, помнил, что дождь очень опасен для здоровья, что из-за него можно простудиться, промокнуть, продрогнуть, простыть и вообще схлопотать массу проблем. Поэтому он с девушкой поспешил войти в первую попавшуюся дверь, за которой оказалась пропасть всякого народа. Робот-билетер пояснил, что сегодня здесь будет выступать знаменитая Рина Марецкая, которая исполнит классический танец под названием «Дохлый нетопырь». Филипп попросил, чтобы их усадили как можно дальше, дабы они могли наслаждаться высоким искусством без ущерба для здоровья. Им отвели самый темный уголок вдали от сцены, закрытой черным занавесом, на котором были изображены череп и скрещенные кости; но Филипп видел только свою соседку.

– Мне не верится, что это не сон, – сказал он вслух.

– А вы хотите, чтобы это было сном?

– Нет, – честно ответил Филипп.

Публика все прибывала; люди толкались, смеялись и обменивались довольно легкомысленными замечаниями по поводу предстоящего зрелища. Женщины выглядели как болонки в трауре, мужчины не выглядели вообще никак. Филипп почувствовал, как его словно засасывает трясина; любовь, зарождавшаяся в нем, задышалась в этой мелочной, фальшивой, удушливой атмосфере. Девушка тоже умолкла. У нее был совершенно особенный взгляд исподлобья, очень милый, но застенчивый. Когда Филипп ловил на себе этот взгляд, тот ускользал, искрясь, обратно, под длинные ресницы, где ему, наверное, было очень хорошо, но в следующее мгновение снова выглядывал оттуда, блестящий и полный любопытства.

Филипп произнес несколько бессвязных фраз, но говорить ему совсем не хотелось; гораздо интереснее было сидеть и просто смотреть на девушку. Она совсем не походила на тех, кого он встречал раньше; в ней не было ни вертлявой живости, ни жеманности, ни напыщенности, никакой фальши, и все же она была так мила, так женственна, так обаятельна, что Филипп не мог ею не любоваться. Она спросила что-то – он ответил невпопад – они засмеялись. Среди публики Филипп заметил Человека без лица и дружески кивнул ему. Филипп уже забыл, что незнакомец едва не задушил его; он был частью нового, облагороженного мира, который создала в его душе девушка в белом и который не терпел грязи и суеты. Человек без лица пробился к их местам.

– Здравствуйте, – сказала девушка.

– Здравствуйте, – очень вежливо сказал Человек без лица, галантно поклонившись.

– Садитесь, – пригласил его Филипп, чтобы сказать что-нибудь.

– Я вам помешаю, – заявил Человек без лица и в доказательство шмыгнул носом.

– В вашей тени очень хорошо прятаться, – вставила девушка с улыбкой. Человек без лица сел, побежденный.

– Вы здесь живете? – любезно спросил Филипп. Мысленно он уже проклинал себя за то, что дал подсесть незнакомцу.

– И да, и нет, – уклончиво сказал тот. – Собственно, во всем виновата реклама. Я-то думал, что эта балерина уже два века как ушла в мир иной.

– Так оно и есть, – развязно подтвердил сосед, сидящий сзади, – но ее воскресили и заставили танцевать.

Филиппу не понравился ни голос, ни говоривший – молодой прыщавый гномон в костюме мешком и с роговыми очками на носу, под которым уже пробивались совершенно седые усы.

– Самое интересное, – продолжал гномон, уже протиснувшись между девушкой и Человеком без лица, – что, несмотря на это, старушка в полном шоколаде! Вы не ошиблись, что заглянули сюда.

Филипп и раньше не выносил гномонов, но этого он невзлюбил с первого взгляда. Гномон глядел на него ехидно и, очевидно, наслаждался бешенством Филиппа. Общеизвестно, что гномоны не выносят тех, кто не похож на них. В сущности, они – люди добродушные, порядочные и в каком-то смысле полезные, но убожество, глупость и самодовольство делают их просто невыносимыми для тех, кто устроен иначе, чем они.

– Место занято, – сказал Филипп, стараясь выразиться как можно более недружелюбно. По правде говоря, это у него плохо получилось.

– По барабану, – отозвался гномон пренагло и обратился к девушке: – Я Ариосто, а вас как?

Филипп еле сдерживал себя. Он готов был растерзать наглого гномона; но, на счастье его, вмешался Человек без лица, выразительно прогнусив:

– Ариосто? А может быть, Орlando?

Гномон побелел, сгорбился и сник.

– Тише! – прошептал он со страдальческой гримасой. – Тише, ради бога! Если меня узнают, мне конец. Меня просто разорвут на сувениры!

– Вас не узнают, – внушительно сказал Человек без лица, – если вы будете сидеть скромно, тише воды, ниже травы и молчать в тряпочку. Ясно?

– В полном шоколаде, – пролепетал Орlando. – Как вы меня узнали?

– Какая разница? – пожал плечами Человек без лица. – Я вас узнал, и точка.

– Послушайте, – нервно начал Орlando. – У вас вид порядочного человека. Признайтесь честно: вы случаем не мой фанат?

– Нет, – отозвался Человек без лица безмятежно.

– Клянетесь? – подозрительно спросил актер.

– Я вообще терпеть не могу современное кино, – заверил его Человек без лица.

– Слава богу! – воскликнул Орlando и, схватив собеседника за руку, стал горячо трясти ее. – А я уж думал, вы из этих... из моих поклонников. Вы меня успокоили!

Филипп озадаченно посмотрел на него.

– Мне казалось, звезды вроде вас любят, когда ими восхищаются, – нерешительно заметил юноша. – Разве нет?

Орlando поморщился и поправил левый ус, который выказал намерение отклеиться.

– Видите ли, – сказал актер после того, как удалось вернуть ус на место, – я ничего не имею против восхищения, если оно выражено в подобающей форме. – Он улыбнулся спутнице Филиппа. – Допустим, вам понравилась моя игра. Вы сказали мне, что я гений, и поскольку я вполне разделяю вашу точку зрения, я не вижу причин для возражений.

– Какая скромность, – пробормотал Человек без лица.

– Однако, – продолжал Орlando, – то, что вы признаете мои заслуги, еще не дает вам право виснуть у меня на шее, задавать дурацкие вопросы, преследовать меня повсюду... и дежурить круглые сутки под моими окнами! – с особенной злостью прибавил он. – Все знаменитости любят, когда им поклоняются, но при этом терпеть не могут своих поклонников. Вслух, конечно, в этом никто не признается, но дело обстоит именно так. Любая звезда вам

скажет, что поклонники – это бочка дегтя в ложке меда, которая называется славой. – И он вновь улыбнулся девушке в белом и подкрутил ус.

– Какая у вас тяжелая жизнь, – вздохнул Человек без лица, поднимаясь на ноги. – Давайте меняться местами, а то вы сидите спиной к зрелищу.

Орландо, он же Ариосто, открыл рот, собираясь что-то сказать, но передумал и рот закрыл. Он сел на место Человека без лица, нахохлился и отвернулся. Человек без лица невозбранно устроился рядом с девушкой, и Филипп взглядом выразил ему благодарность, ибо Орландо был известен в широких кругах как сердцеед, который меняет подружек с космической скоростью. Он недолго тосковал и тотчас принялся строить глазки какой-то болонке.

Занавес взвился под рокот аплодисментов.

– Меня зовут Филипп, – сказал Филипп.

– Ада, – просто ответил она. Ее имя наполнило его душу тающим эхом: Ада... Ада... Ада...

– Я... – начал было Филипп, но новая овация заглушила его слова.

Люди вскакивали с мест, слабонервные кричали и визжали, чтобы придать себе мужества. Когда волнение успокоилось, Филипп обратил свое внимание на сцену. С первого взгляда она показалась ему гола и пуста, затем прожекторный луч выхватил из темноты желтый скелет в балетной пачке. Ада схватила за руку Филиппа. Орландо открыл рот от восторга. Скелет сделал несколько жеманных шажков и раскланялся. Рукоплескания потрясли зал; Филипп страдал, не подавая виду, страдал невыносимо. И легко, как птица, взвилась и полетела музыка; и в такт ей задвигался скелет. То он наклонял воображаемый стан, то прыгал на месте, то, поднявшись на цыпочки одной ноги, задира л другую. Во время одного из прыжков у него оторвалась рука; зрители ахнули и жадно подались вперед. Гремя, откатилась нога, затем, когда скелет кружился на месте, отлетела голова и с гулким стуком упала на пол. С последними тактами скелет повалился и больше не поднимался. Град аплодисментов и восторженные вопли почитателей, однако, привели его в себя. Скелет вскочил, грациозно поклонился (насколько это было возможно в отсутствие руки, ноги и головы), кое-как собрал свои детали и удалился за кулисы, спотыкаясь о декорации, ибо голову свою он зажал под мышкой и, следовательно, не видел ничего. Зал бушевал в экстазе. Сидящий впереди Филиппа зритель вскочил с места, сотрясая аплодисментами воздух, и неожиданно упал как подкошенный. Подкатившие к месту происшествия роботы-служители унесли жертву искусства.

– Душераздирающее зрелище, – бесстрастно обронил Человек без лица.

– В полном шоколаде! – восторженно подтвердил Орландо.

Филипп обернулся к Аде; ее чудесные глаза были полны слез. Филипп возненавидел себя за то, что был их причиной. Он сидел, как деревянный, боясь вымолвить слово. Орландо прицепился к Человеку без лица, требуя во что бы то ни стало сказать ему, нравятся ли Человеку без лица его рекламы.

– Не нравятся.

– Да? – воскликнул Орландо. – Вот это новость! И реклама синтетической воды вам не нравится?

– Совершенно, – отрезал Человек без лица, – скажу вам проще: как только я вижу вас на экране, меня начинает тошнить.

Орландо кинулся ему на шею.

– Вы мой друг на вечные времена! – заявил он. – Наконец-то нашелся хоть один человек, способный на конструктивную критику!

– Совпадающую с вашей точкой зрения? – прищурился Человек без лица.

– Конечно! Хотя должен признаться, что в вопросах критики я придерживаюсь самых широких взглядов. Критик имеет полное право высказать свое мнение, а я имею не менее полное право этим мнением пренебречь. Таким образом, все оказываются довольны.

Ада встала, поднялся и Филипп.

– Мне пора уходить, – сказала она.

– Не надо, – попросил Филипп.

– Но мне в самом деле пора...

Наступило молчание.

– Вы вернетесь? – печально спросил Филипп.

– Конечно, вер... – встрял Орlando, но Человек без лица небрежно хлопнул его по плечу, отчего актер ушел в землю по самые плечи.

– Я? Не знаю, – проговорила Ада. Взгляд ее ускользал от взгляда Филиппа, избегая встречаться с ним. Филипп удержал ее за руку.

– Завтра в полдень у маяка.

– Я не могу.

– Тогда в полночь, я согласен. Вы не можете не прийти; я все равно буду ждать вас, Ада.

– Это глупо, – сказала она, бледнея, краснея и силясь улыбнуться. Филипп поднес ее маленькую ручку к губам и поцеловал – бережно, как целуют крылья бабочки или веки спящего ребенка.

– Я хотел вам сказать...

– Не провожайте меня. Я... я приду.

Филипп кивнул. Прежде чем уйти, она обернулась и послала ему взгляд, один из тех бессмертных взглядов, какие навсегда остаются в человеческом сердце. Может быть, ей стало жаль юношу, но она, поднеся к губам ладонь, сдула с нее воздушный поцелуй и исчезла. Поцелуй подлетел к Филиппу и чмокнул его в нос. Орlando давился от смеха; Человек без лица уже выдернул его из земли. Филипп знал, что Орlando скажет, будто он не умеет обращаться с девушками, но тот перестал смеяться и смотрел на него с пониманием, а это было еще хуже. Следующим номером в программе был кролик, распиливающий фокусника пополам, и Филипп заказал себе у робота-разносчика нектар забвения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.